

КЛАССИКИ НАРОДОВ
РОССИИ:
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

Дайджест

ЕКАТЕРИНБУРГ 2014

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Классики народов России: Чингиз Айтматов

Ч. Айтматов

83.3(4Укр)

К 47

Редакторская коллегия:

Автух Ф.Р.

Колосов Е.С.

Лебедева Т.В.

Ошуркова Е.Н.

Шурманова Т.В.

Классики народов России: Чингиз Айтматов : дайджест / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; сост. : С. А. Гавриш ; вёрстка : Е. В. Арапова. – Екатеринбург : СОМБ , 2014. – 65 с.

Ответственный за выпуск : Колосов Е. С.

Содержание

- Вступление.....6
- Биография Чингиза Айтматова.....9
- Все мы родом из детства: повести о детстве.....16
- Поиск себя и человека: нравственно-философские романы.....33
- Заключение.....54
- Список литературы55
- Приложение 1: Литературное наследие.....59
- Приложение 2: Экранизации и театральные постановки
.....61
- Приложение 3: Награды, премии и звания.....63

Вступление

12 декабря 2013 г. исполняется 85 лет со дня рождения киргизского писателя Чингиза Айтматова. Он поистине является одним из величайших писателей XX столетия. Его произведения были переведены на более чем 176 языков мира, изданы в 128 странах. О творчестве писателя говорят по-разному, но даже самые резкие критики его книг не отрицают величия, присущего его произведениям. Органичное сочетание современности и культурной архаики, актуальность проблем, поставленных Айтматовым, сделали его истинным классиком русской литературы еще при жизни.

Слава Чингиза Айтматова была подобна стреле, пущенной из богатырского лука, - так быстро пролетела она за пределы киргизских степей. Удивительно, что малоизвестный на то время киргизский народ дал миру талантливому писателя, который поднял авторитет всего тюркоязычного мира. Это невиданный феномен в истории среднеазиатских республик XX в. Его имя стоит в одном ряду с великими писателями мировой художественной литературы: Джеком Лондоном, Анатолем Франсом, Федором Достоевским, Рабиндранатом Тагором, Михаилом Шолоховым.

Айтматов акцентирует свое внимание на таком аспекте как «осознание своим народом своей исторической судьбы, права на будущее, которого достоин каждый народ

и каждый человек». Более того, именно в его творчестве художественное самосознание киргизского народа достигает высоты общечеловеческого, а национальное становится ценностью мирового порядка.

Чингиз Айтматов – народный писатель с эпическим творчеством. Он не только трепетно относился к культуре, традициям и обычаям своей нации, но и использовал мифы и легенды других народов.

С детства он привык ценить и любить родной киргизский язык. В одной из своих статей он пишет: «Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденное опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков. Именно в детстве закладываются подлинные знания родной речи, именно тогда возникает ощущение причастности своей к окружающим людям, к окружающей природе, к родной культуре. Язык любого народа – это уникальный феномен, созданный гением народа, и утрата его приводит только к потерям. Языки могут исчезать, многие исчезли, но вряд ли они могут возникать. Надо беречь то, что есть. Это общечеловеческое достояние». А русским языком Айтматов владел абсолютно, что поставило его в ряд российских классиков и позволило занять достойное место в ряду современных писателей. Вот что говорил писатель о роли русского языка: «Знать свой язык – богатство, сделать родным чужой язык – богатство вдвойне. Русский язык открыл мне огромную часть мира. Синтезируя два менталитета, две культуры, две народ-

ные судьбы, я и писал». Именно русский язык стал залогом успеха Айтматова сначала в советских республиках, а затем в Европе и во всем мире».

Долго и упорно писатель искал свои темы, своих героев, собственную манеру повествования. И нашел их. Его герои – рядовые труженики, твердо верящие в светлые, добрые начала жизни, создаваемой при самом активном их участии. С первых же произведений Айтматов заявил себя писателем, поднимающим сложные проблемы бытия, изображающим непростые, драматические ситуации, в которых оказываются люди сильные и честные, но сталкивающиеся с не менее сильными противниками – то блюстителями старых нравов и обычаев, то с хищниками, то с деспотами, то с бюрократами, то с самодурами и подлецами.

Труды Айтматова написаны на простом языке, доступном любому читателю. Но при этом поднимаемые им вопросы затрагивают общечеловеческие ценности, они заставляют каждого задуматься о любви ко всему живому, к природе, к человеку, а также вызывают к совести и справедливости. Писатель обращается в своих книгах к проблемам «человек и природа», «человек и человек», которые раскрывает на национальном материале и национальными средствами, звучащие очень современно.

Биография

Чингиз Торекулович Айтматов родился 12 декабря 1928 г. в аиле Шекер в Киргизии в семье одного из первых киргизов-коммунистов. Отец Торекул Айтматов был вначале крестьянским активистом, за-

тем советским и партийным работником, видным государственным деятелем Киргизской ССР. Интересно, что уже с детских лет, еще до революции 1917 г., Торекул попадает в русскоязычную среду: он учится в русско-туземной школе города Аулие-Ата (Джамбул). Позже, в 1920-е гг. отец Чингиза учился в Москве. Мать Нагима Хамзиевна Абдулвалиева, татарка по национальности, тоже была грамотной, вполне современной женщиной. Она работала

Хамза Абдувалиев - дед Чингиза Айтматова (1889г.) и мать писателя Нагима Айтматова (1917г.). Фото из книги Р.Айтматовой «Белые страницы истории. Мои воспоминания...»

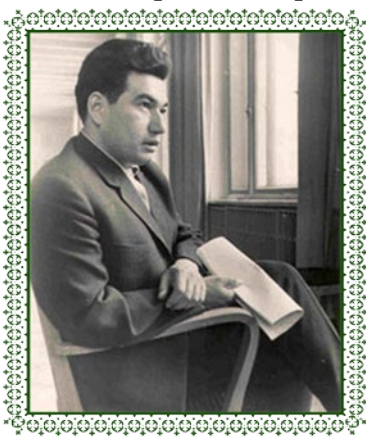
армейским политработником, впоследствии стала общественным деятелем. Чингиз, его братья и сестры выросли в доме своего деда, татарского купца 1-й гильдии Хамзы Абдулвалиева.

Язык Пушкина и Толстого Айтматов считал своим вторым родным языком, открывшим для юноши богатство всемирной литературы. Кроме родителей особое место в жизни Чингиза занимала его бабушка, знаток киргизского и казахского фольклора, много времени проводившая с любознательным внуком. Она увозила его к себе в горы, на летние кочевки с их праздниками и радостями. Она и ввела Чингиза в мир народных преданий, старинных песен и древних сказаний. Оттуда, из детства, воспринял Айтматов красочную поэ-

зию гор и степей, наполненную дыханием мифологических, символических образов.

Еще в детстве Чингиз испытал суровые удары жизни: в 1937 г. по политическим мотивам был арестован его отец, а в 1938 г. расстрелян. В десять лет начался его трудовой стаж, когда он познал тяжелую работу земледельца. А с четырнадцати лет ему пришлось работать секретарем Шекерского сельского Совета, решая самые сложные вопросы жизни большого села, так как это было военное время, и взрослые мужчины были на фронте. Хорошо зная русский язык, подросток исполнял обязанности и налогового агента, и учетчика комбайнового агрегата. Айтматов принадлежал к поколению, не успевшему на войну, но тяжкий опыт жизни народа в тылу впоследствии отразится в ряде его будущих произведений - изнурительный труд женщин, голодный блеск детских глаз, страшные треугольные листки похоронок.

После восьмого класса, Чингиз поступил в Джамбульский зоотехникум, который окончил с отличием. В 1948 г. был принят без экзаменов в сельскохозяйственный институт во Фрунзе, окончив его в 1953 г. В студенческие годы Айтматов писал небольшие заметки, статьи, очерки на киргизском языке, публикуя их в газетах. Дебютировал он в 1953 г. с рассказом на русском языке «Газетчик Дзюй-до». Так будущий писатель вошел в литературу. По окончании института он в течение трех лет работал в НИИ животноводства, одновременно продолжая писать и печатать рассказы.

К середине 1950-х гг. Айтматов уже известен в республике не только как автор актуальных публицистических очерков, но и как талантливый новеллист: «Ашим» (1953), «Белый дождь» (1954), «Соперники» (1956), «Трудная переправа» (1956).

В 1956 г. Чингиз приехал учиться в Москву на Высшие литературные курсы, которые дали ему старт к большому литературному творчеству. Через два года, окончив курсы, молодой автор опубликовал в журнале «Октябрь» рассказ о войне «Лицом

к лицу». Эта повесть стала в советской национальной литературе одной из первых попыток нетрадиционного подхода к теме. Айтматов рассказал не о герое-победителе, но о человеке, сломленном войной, ставшем дезертиром и преступившем ту нравственную черту, за которой возможно только окончательное падение.

Вернувшись в Киргизию, молодой писатель стал редактором журнала «Литературный Киргизстан», пять лет был собственным корреспондентом газеты «Правда» в Киргизии.

Мировую известность Айтматову принесла повесть «Джамиля», впервые увидевшая свет в 1958 г. на французском языке в переводе Луи Арагона, а затем вышедшая на русском языке в журнале «Новый мир». Это повесть о любви, выдержавшей все испытания, о праве угнетенной киргизской женщины на личное счастье. На сегодняшний день «Джамиля» является самым популярным произведением писателя на всех языках мира. Только на немецком языке она была переиздана уже 37 раз. Так на небосклоне мировой литературы появилось имя Чингиза Айтматова, и тем самым он стал колоссом литературы киргизской.

60-е гг. XX в. характеризовались общим подъемом и бурным развитием художественной литературы в национальных республиках тогдашнего Советского Союза. Именно в этот период мир восхищался поэзией Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Мустая Карима и прозой молодого писателя Чингиза Айтматова. А сам он всегда говорил о том, что как писатель он «родом из шестидесятых» и что за это он навсегда благодарен судьбе. Повести «Верблюжий глаз» и «Тополек мой в красной косынке» (обе – 1961), «Первый учитель» и «Материнское поле» (обе – 1963), «Прощай, Гульсары» (1968) были то обличающими, то исполненными самой светлой веры и надежды повествованиями о подлинной человечности. Все эти произведения выходили одновременно на русском и киргизском языках.

Официальное признание и читательский интерес к творчеству Айтматова увеличивался с каждой новой книгой. В 1963 г. в свет вышел сборник «Повести гор и степей», за который он получил Ленинскую премию, став одним из самых молодых ее лауреатов. Повесть «Прощай, Гульсары» принесла писателю Государственную премию.

В 1970 г. была опубликована повесть «Белый пароход» на русском языке. Это своеобразный авторский эпос, стилизованный под эпос народный. Сказка о Рогатой Матери-Оленихе, которую рассказывал мальчику, главному герою повести, его дед. На фоне величественного и прекрасного сказания особенно пронзительно ощущается трагизм судьбы ребенка, который сам оборвал свою жизнь, будучи не в силах смириться с ложью и жестокостью «взрослого мира». «Белый пароход» на долгие годы стал одним из наиболее признанных произведений Чингиза Айтматова во всем мире. В 1973 г. была издана повесть «Восхождение на Фудзияму», в 1975 г. – повесть «Ранние журавли», за которую писатель получил киргизскую Премию имени Токтогула. В 1977 г. вышла в свет повесть «Пегий пес, бегущий краем моря», ставшая одним из любимых его произведений в ГДР. В основе повести – мифологические мотивы. Действие происходит во времена Великой Рыбы – женщины, прародительницы человеческого рода. Герои повести – нивхи, представители маленькой северной народности.

Во всех своих произведениях Айтматов рассматривал общечеловеческие, философско-нравственные проблемы как основу существования человеческого бытия. В центре его внимания – проблема «человек и общество». Его герои – духовно сильные, человеческие, активные люди современной эпохи. Айтматов выступил как писатель-новатор, автор психологического портрета.

В 1978 г. к титулу народного писателя Киргизской ССР присоединяется звание Героя Социалистического Труда. Айтматов работает в ЦК Коммунистической партии республики, Верховном Совете СССР нескольких созывов, секретарствует в Союзе Писателей и Союзе Кинематографистов СССР.

Новый этап творчества Айтматова открывается его первым романом, написанным в 1980 г. – «И дольше века длится день», за который он получил вторую Государственную премию. Последним произведением, опубликованным в СССР в 1986 г., был роман

«Плаха». Это «роман-крик» об опасности восхождения на плаху всего человечества.

Писатель с энтузиазмом встретил перестройку. Он входит в состав Президентского совета СССР, с 1988 г. возглавляет один из самых престижных журналов – «Иностранная литература», становится инициатором и организатором «Иссык-Кульского форума». Это неформальное миротворческое движение интеллектуалов различных стран. По замыслу Айтматова, это не симпозиум, не конгресс, не клуб, не международное совещание, а шерне (кирг.) – продолжение киргизской национальной традиции философских бесед умудренных жизнью уважаемых людей, старейшин о самом главном, на чем должен держаться мир.

К 1990-м гг. Айтматов становится, по данным ЮНЕСКО, одним из наиболее печатаемых писателей на планете.

Во время своего визита в ФРГ Чингиз Айтматов знакомится с Фридрихом Хитцером, немецким переводчиком, с которым он долго и плодотворно работал. Все постсоветские произведения писателя издаются на немецком языке в швейцарском издательстве Unionsverlag в переводе Фридриха Хитцера, отмеченного в 2011 г. в Лондоне посмертно Международной Премией Чингиза Айтматова за долголетнюю работу с писателем, за любовь к его творчеству и преданность ему.

В постсоветское время были изданы за рубежом «Белое облако Чингиз Хана» (1992), «Сказки» (1997), «Детство в Киргизии» (1998) и необычный и изысканный роман «Тавро Кассандры» (1994). Это антиутопия, ничем не уступающая самым прославленным произведениям этого жанра. Мрачная, сильная и глубокая история о человечестве, лишенном будущего. Дети, которые появляются на свет, предвидя свою судьбу, их матери, помеченные таинственным «тавром Кассандры».

Последнее произведение великого киргизского писателя – «Когда падают горы», написанное в 2006 г. А немецкий его перевод увидел свет в 2007 г. под названием «Снежный барс».

В год своего 70-летия в 1998 г. Айтматов был удостоен звания Героя Кыргызстана и признан Народным писателем у себя на родине.

В 2006 г. писатель вместе с единомышленником Фархадом Устаджалиловым основал Международный Благотворительный Фонд

Чингиза Айтматова «Диалог без границ», который возглавлял до конца жизни.

Талант Айтматова не ограничивался писательством. Он проявил себя как дипломат и политик. «Становлюсь дипломатом» - так было озаглавлено интервью, данное им в ноябре 1990 г. «Литературной газете». С этого года он возглавлял Посольство СССР, а с 1992 г. Посольство Российской Федерации в Великом Герцогстве Люксембург, с 1994 по 2006 гг. работал послом Кыргызстана в странах Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург).

Чингиз Айтматов с сыном Эльдаром, 1987г.

Фото из книги Р.Айтматовой «Белые страницы истории. Мои воспоминания...»

дня, Чингиз Торекулович, к несчастью, не дожил. В мае он приехал в Казань, где снимался документальный фильм к его 80-летнему юбилею. 16 мая его срочно госпитализировали, поставив диагноз «почечная недостаточность», а через три дня отправили на лечение в Германию, в клинику города Нюрнберг. Но спасти писателя врачи не сумели. Чингиз Торекулович Айтматов умер 10 июня 2008 г. Похоронен 14 июня в историко-мемориальном комплексе «Ата-Бейит» в пригороде Бишкека.

В 2011 г. на центральной площади киргизской столицы Ала-Тоо был установлен памятник знаменитому писателю. 14 ноября 2013 г. в Бишкеке открыли посвященный ему мемориал. В церемонии приняли участие президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев, а так же видные деятели культуры и науки республики и других

Чингиз Айтматов был женат дважды. У него двое сыновей от первого брака (Сан-джор и Аскар – экс-министр иностранных дел Кыргызстана), сын Эльдар и дочь Ширин от второго брака, а также четверо внуков.

В конце весны 2008 г. Айтматова планировали выдвинуть на получение Нобелевской премии. Но до этого

стран.

В 2011 г. в Лондоне учреждена Международная премия имени Чингиза Айтматова. Премию вручает Академия Айтматова, основанная в Лондоне профессором Рахимой Абдувалиевой, долго работавшей с писателем. Награждение происходит в день рождения писателя – 12 декабря.

Площадь Ала-Тоо. Памятник Чингизу Айтматову. Установлен 30 августа 2011 года. Скульптор - Сооронбай Бейшенбаев. Высота памятника - 7 метров 70 см.

Все мы родом из детства: повести о детстве

Чингиз Айтматов всегда очень серьезно относился к детям. В лучших его повестях и романах слова о детях всегда звучат особенно проникновенно, а судьба их часто связана с глубоким смыслом всего происходящего. Интерес Айтматова к детским судьбам определяется еще и тем, что он сам сполна испытал на себе тяготы и трагедии своей семьи, своих односельчан, своего народа. Детство Чингиза кончилось с началом войны против гитлеровской Германии. Детство кончилось, но осталась детская чистота и детская доверчивость к радости и красоте жизни, восторг перед каждым ее днем.

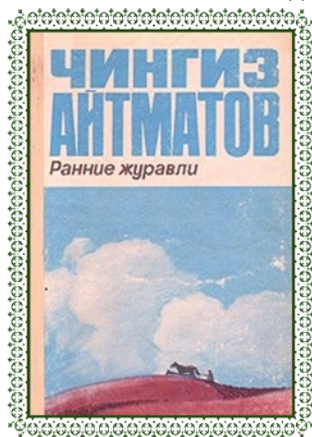
Для Айтматова любой из его юных героев-подростков прежде всего человек, хотя и в начале своей жизни. Но начало жизни, по мысли писателя, очень ответственный период: он определяет дальнейшие судьбы этих мальчишек и девчонок от двенадцати до шестнадцати лет.

Дети для Айтматова – мерило человечности, носители духовной и нравственной чистоты. У каждого народа на Земле есть своеобразный культ детей. Именно дети помогают увидеть жизнь по-новому и дают почувствовать: что-то неладно в окружающем мире. Это называется детской свежестью восприятия действительности. Дети – носители и продолжатели семейных вековых традиций, они же связывают настоящее с будущим.

Обостренная память детства осталась у Айтматова на всю жизнь. Писатель убежден, что детство не только славная пора, но и время, когда формируется ядро будущей человеческой личности. Наверное, поэтому он обратился к повестям о детстве уже в зрелые годы, чтобы лучше понять свой мир.

Повесть «Ранние журавли»

«Ранние журавли» - повесть о детстве, испытанном лишениями и горем военной поры. Почти автобиографическая повесть о под-
ростках тех лет, которые стали взрослыми, минувя юность. Действие происходит во время войны в одном киргизском аиле. Все мужчины ушли на фронт. На плечи женщин и детей легли тяготы войны. Фронту нужен хлеб. На место отцов встали их дети. В очерке «Снега на Манас-Ата» Айтматов писал: «Подростки – это все же большие дети. Но именно они рядом с женщинами приняли на себя в те дни на неокрепшие, полудетские свои плечи мужицкие заботы о хлебе насущном».

Хотя и велико расстояние, отделяющее киргизский аил от фронта, все в селении напоминает о войне: и поселившееся в каждом доме тягостное ожидание весточки от отца, сына или брата, ушедших на фронт, и пошатнувшееся хозяйство, оказавшееся в руках женщин и стариков, и воспоминания о недавнем мирном счастье, и те немногие фронтовики-калеки, которые уже списаны из числа солдат.

Герои повести – подростки-школьники – Султанмурат, Эркинбек, Анатай. Вот Султанмурат сидит в школе на уроке географии и не очень внимательно слушает рассказ учительницы о животном мире на острове Цейлон, где весело, тепло и не нужно теплой одежды, где бродят слоны и скачут кенгуру. А в классе ребятам никак не согреться. За окнами метет метель, заметая осиротевший без мужчин аил. Для многих мальчиков этот урок последний – председатель колхоза дает им боевое задание готовить коней к севу и самим готовиться на первую в жизни самостоятельную пахоту. Фронту нужен хлеб, и ребята работают, изнемогая от усталости и холода. И в то же время они остаются еще детьми, переступающими порог юности.

Султанмурат думает об отце, от которого давно нет писем с фронта, о том, как тяжело матери работать в колхозе и управлять с четырьмя детьми. Думает мальчишка и о своей однокласснице,

красивой девочке Мырзагуль, сидящей за соседней партой. Айтматов пишет об этом сдержанно, целомудренно.

«От окна сильно поддувало, слышно было даже, как ветер по-свистывает украдкой в щелях рамы, уж очень холодило правый бок от окна. Придется терпеть. А раньше, до холодов, здесь сидела Мырзагуль, ее перевели на место Султанмурата. Там не так дует. Но лучше было бы, если б ее оставили тут же, на этой парте. Все равно холод он на себя принимает. Сидела бы рядышком. А то пойдешь на перемене, а она краснеет. Со всеми как со всеми, а подойдет он, она краснеет и убегает. Не гоняться же за ней. Совсем засмеют. Эти девчонки всегда горазды придумывать что-нибудь. Сразу пойдут записочки: «Султанмурат + Мырзагуль = экиашик» (двое влюбленных). А так сидели бы рядышком – и ничего не скажешь...

Ноги стынут, и руки стынут. Даже спина мерзнет. До чего холодно в классе! Раньше, до войны, школу топили слежавшимся овечьим кизяком. Как уголь, сильно горел тот кизяк. А теперь привезут соломы. Ну погудит-погудит солома в печах, а толку нет. Через пару дней и соломы нет».

«Но если бы отец вернулся живой с войны. Только бы приехал наконец. Лишь бы увидеть его живым и здоровым. С него, с Султанмурата, и этого счастья хватило бы. Только бы вернулся отец.

Как бы он теперь хотел, чтобы повторилось то событие в семье, когда отец возвратился с Чуйского канала. Туда, на стройку, он уезжал позапрошлым летом, тоже ездовым, на целых пять месяцев, все лето и осень там пробыл на вывозе грунта. Стахановцем стал. А приехал домой под вечер. Колеса вдруг застучали на дворе, кони фыркнули. Дети вскочили. Отец! Худющий, загорелый, точно цыган, обросший. И одежда на нем, говорила потом мать, как на бродяге. Сапоги только новые, хромовые».

«Султанмурат почувствовал, как что-то стронулось в нем внутри и поползло горячим набухшим комом к горлу. Во рту стало солоно. А еще говорил, что никогда ни за что не заплачет. Он тут же взял себя в руки. Встряхнулся».

Но вот в класс во время урока входит председатель колхоза Тыналиев, недавний фронтовик, тяжело раненый в боях. Он объявляет, что несколько учеников придется на время оторвать от

школы, чтобы вспахать и засеять двести гектаров на предгорных склонах Аксайской степи.

«Дело у меня такое, - начал Тыналиев, внимательно всматриваясь в напряженные лица ребят и все время силясь держаться прямее, чтобы не так бросалась в глаза его кособокость. В прошлом году мы не справлялись, не успели засеять гектаров двести озимой пшеницы. Никто не виноват. Война. Но если везде, во всех колхозах и совхозах недоберут, недосеют, недоделают, как мы у себя, то, может случиться, врага не одолеем. Да, чтобы одолеть такую силу, надо иметь и хлеб, и снаряды. Я и пришел к вам, ребята, придется кое-кому из вас оставить пока школу. Время не ждет, надо готовить тягло к весновспашке, а тягло у нас – страшно смотреть, довели, на ногах едва держится. Надо готовить сбрую, а она вся разбитая, надо ремонтировать плуги и сеялки, а инвентарь у нас под снегом... К чему все это говорю? К тому, что недосеянные площади озимой мы обязаны перекрыть яровыми посевами. Во что бы не стало, безоговорочно, как на фронте!. А это значит сверх плана собственными силами дополнительно вспахать и засеять двести гектаров яровых. Две-е-сти! Вы понимаете? А где взять силы, на кого опереться? И решили мы ко всему тому, что у нас есть и что уже делается в весенней кампании, подготовить дополнительно еще одну бригаду плугарей, двухлемешников. Женщин послать не можем, Это далеко, в Аксае. Людей нет. Решили обратиться к вам за помощью, к школьникам...

Вот так говорил председатель Тыналиев, суровый и замкнутый человек, ходивший в своей неизменной армейской серой шинели, в которой он конечно же мерз, в серой ушанке, с озабоченным заострившимся лицом, а сам молодой еще, скособоченный, с недостающими ребрами, с неразлучной полевой сумкой на боку...

Вот так говорил председатель Тыналиев в школе, топленной соломой, от которой больше сора на полу, нежели тепла. И когда он говорил, что надо на далеком Аксае поднять дополнительно сотни гектаров яровых для фронта, пар шел из его рта, как на дворе...

Вот так говорил председатель Тыналиев...»

Интонация рассказчика торжественна и значительна. Не случайно автор неоднократно повторяет этот торжественный рефрен: «Вот так говорил председатель...» Словно он стремился еще и еще

раз запечатлеть в памяти читателя психологические и житейские мелочи той встречи в застуженном зимними сквозняками школьном классе январским днем 1943 г.

Это впечатление усиливается и обращением писателя к героическому киргизскому эпосу «Манас».

«Плугари преданно и восхищенно смотрели ему в лицо, готовые выполнить любое приказание. Он стоял перед ними, пожалуй, как сам Манас, сивогривый, грозный, в кольчуге, а они перед ним – как верные батыры его. Со щитами в руках и мечами на поясах. Кто же были те славные витязи, на кого возлагал Манас надежды свои и дела?»

Первым был славный витязь Султанмурат. Пусть не самый старший, но шестнадцатый год уже пошел. За ум и за храбрость командиром назначен был он, сын Бекбая Султанмурат. А отец его, самый лучший из всех отцов, был в то время в походе далеком, на большой войне. Своего боевого коня Чабдара он оставил ему, Султанмурату. А еще тайно любил Султанмурат красавицу Мырзагуль-бийкеч. Прекрасней всех улыбка у Мырзагуль-бийкеч. А стройная была, как туркестанский тополь, а лицом бела, как снег, а глаза – как костры на горе темной ночью...

Вторым витязем был славный Анатай-батыр. Самый старший в отряде, почти шестнадцать лет. Он ничем никому не уступал, разве ростом чуть-чуть. Зато силой наделен был самой большой. Конь у него, как подобает батыру, прозывался Октуру – гнедая стрела! Отец Анатай тоже был на большой войне, далеком походе. И любил Анатай тоже тайно ту же красавицу луноликую – Мырзагуль-бийкеч. Очень жаждал он поцелуя красавицы.

Третьим витязем был милый юноша Эркинбек-батыр. Самый старший в семье. Друг хороший и верный. Печально вздыхал он, бывало, и плакал украдкой. Отец его смертью храбрых погиб в том походе далеком, защищая Москву. Конь боевой Эркинбека, как подобало батыру, прозывался Акбайпак-кулюк, что означало скакун в белых носках!

А четвертым батыром был Эргеш-батыр. Также друг и товарищ. Пятнадцать лет. Свое мнение высказывать он любил, в споры вступал. Но в деле надежным был человеком. Отец его тоже на большой войне, в походе далеком. Конь Эргеша, как подобало баты-

ру, прозывался Алтын-туяк – золотое копыто!

Среди этих батыров был еще пятый батыр – Кубаткул-батыр! Тоже пятнадцать лет, тоже самый старший в семье. Отец Кубаткула в том походе далеко, в той большой войне погиб смертью героической в белорусских лесах. Кубаткул неутомимый трудяга был. И очень любил, как всякий батыр, своего боевого коня Жибекжала – шелкогривого скакуна!

Вот такие батыры стояли перед Тыналиевым. А за ними, за их шуплыми плечами, за их головами на тонких шеях стояли у коновязи вдоль длинногоаккура их плуговые четверки – пять четверок, двадцать кляч извозных, которых предстояло впрячь в двухлемешные плуги и двинуться в далекий Аксай...»

Эти «батыры» «преданно и восхищенно» смотрели в лицо председателя, готовые выполнить любое его приказание. Такой строгий тон повествования идет от подлинного переживания, испытанного Айтматовым в годы войны при виде мальчишек-плугарей в Кок-Сайской степи. Незадолго до публикации «Ранних журавлей» Чингиз Айтматов вспоминал о той встрече в предгорьях Алатау: «Плуги выплывают из вихрей снега. Припадая к борозде, сжались в напряжении четверки жадно дышащих лошадей. Снег мгновенно таял на их горячих спинах белым паром. Да и ребятам понукающим не легче». То, что увидел тогда пятнадцатилетний Айтматов, - надрывающиеся лошади, измученные ребята, - поразило будущего писателя. «Я долго не приближался к ним, - написал он через много лет в одной из своих статей, - не хочу, чтобы они видели, как я плачу...»

Из такого искреннего чувства восхищения и сострадания рождаются у Айтматова сказочно-символические образы, освещая будничное дело ореолом героического действия: «Три плугаря и великие горы впереди. Три плугаря и великая степь позади».

Самым волнующим моментом в этом произведении является эпизод прилета журавлей. Это кульминация повести.

«Журавли! Журавли летят! Султанмурат глянул вверх – в чистом, беспредельно синем и беспредельно бездонном небесном просторе летели, медленно кружась, перестраиваясь на ходу, перекликаясь журавли. Большая стая. Птицы были высоко. Но небо было еще выше. Необъятное огромное небо – и стая журавлей, плывущих

живым островком в этой необъятности. Султанмурат вспомнил, что ранний прилет журавлей – хорошая примета. А журавли плыли, купаясь в голубизне неба, плыли не спеша, кружась на плавноколышущихся крыльях, перекликаясь то сдержанно, то многогласно, все разом, и снова в их рядах наступало спокойствие. В прозрачности того дня были хорошо видны их точеные вытянутые шеи, и тонкие клювы, и полуприжатые к телу ноги у одних и плотно прижатые у других. Иногда мелькали в движении белые концы маховых перьев по краям крыльев».

Мальчишки видят прилет журавлей и радуются: ранние журавли – хорошая примета, значит будет хороший урожай. В этом эпизоде наиболее ярко выражена идея повести. Айтматов писал: «Я хотел сказать о тех душевных качествах, которые прекрасны всегда, тем более в страшные времена. Как бы ни было разрушительно действие войны. Оно не может разрушить человека. Именно тогда – как бы вопреки природе войны и как бы бросая вызов ее сокрушительной силе – человеческая душа расцветает».

Несмотря ни на что, юные герои повести не утратили лучших душевных качеств. Сохранили доброту, умение радоваться жизни и делиться этой радостью с другими.

Название повести можно понимать и в переносном значении. Ранними журавлями можно назвать этих мальчишек, которые рано повзрослели. Скоро их крылья окрепнут, они улетят из родных мест, но никогда не забудут своей родины и будут возвращаться, как журавли возвращаются весной в родные края.

Сюжетная развязка повести драматична. Вооруженные бандиты, конокрады однажды ночью проникли в юрту, где спали ребята, связали их, забрали упряжь и угнали лучших лошадей, тех самых, которых мальчишки выходили и которые были надеждой всего колхоза.

«Только тогда дошел до Султанмурата весь ужас случившегося. Конокрады увели их плуговых коней! Обида, ярость разрывали душу. Он метался, пытаясь освободить руки, но из этого ничего не получилось. И, задыхаясь, он стал крутить головой, выталкивая языком кляп. Во рту горело, кровоточило, распирало. И все-таки удалось наконец выплюнуть проклятый кляп изо рта. Как на свободу вырвался. Голова закружилась от притока воздуха в легкие».

Освободившись, Султанмурат погнался за конокрадами на своем любимом отцовском коне Чабдаре. *«Вперед, Чабдар, брат мой Чабдар, вперед, догони их, догони! Я не упаду, я не расшибусь. Не бойся за меня. Вперед, Чабдар! Если погибнем, то вместе, только скачи быстрее, быстрее, я понимаю – темно. Страшно, и тебе страшно. И все равно вперед. Быстрее, быстрее!»*. Но коня бандиты пристрелили. В ярости и негодовании Султанмурат бросился бежать за ними, но не догнав, вернулся назад к своему раненому коню. Он громко и горько рыдал. Рушилось все: и мечта о светлом дне возвращения домой, когда ребят встретят с гордостью как настоящих хлеборобов, и надежда односельчан на урожай, и счастливые сны о встрече отца с фронта, о свидании с Мырзугаль.

И вдруг Султанмурат увидел прямо перед собой матерого голодного волка, почуявшего острый запах конины и свежей крови. *«Сизым злобным всполохом вспыхнули волчьи глаза. Пригнув голову, скалясь и свирепея, волк начал медленно приближаться. Султанмурат приостановил его угрожающим криком и успел сдернуть с головы Чабдара уздечку. Он быстро скрутил уздечку жгутом, намотав вокруг нее поводья, а тяжелые железные удила выпростал наружу. Теперь удила были его оружием. Волк подошел еще ближе, прижался к земле, вздыбив загривок, и замер перед прыжком как сжатая пружина. Султанмурат первый раз в жизни отчетливо услышал свое сердце – оно обозначилось в груди напряженно сжимающимся комом. Султанмурат стоял наготове, пригнувшись, с уздечкой наотмашь...»*

Так и стоят они напротив друг друга – свирепый волк, изготовившийся для прыжка, и мальчик с уздечкой.

Айтматов не поведал читателю, чем завершилась та роковая встреча человека и зверя. Писатель на полном ходу обрывает повествование. Больше мы не узнаем ничего. Мы только знаем, что для Султанмурата в те часы погони за конокрадами и схватки с волком состоялось прощание с детством. И мы верим в то, что этот бой киргизский школьник выдержит с честью.

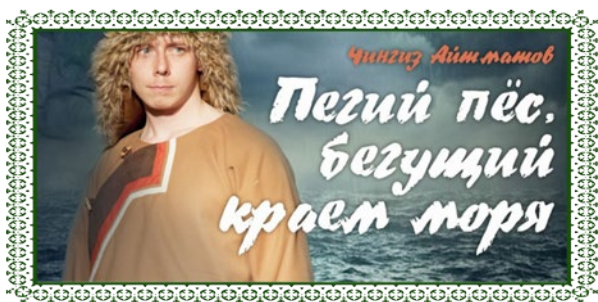
Немного в нашей литературе книг, в которых столь проникновенно показана жизнь мальчишек-подростков. Эта книга – песнь детям, которые в тяжелые военные годы взяли на себя взрослую мужскую работу, детям, которые повзрослели раньше времени.

Повесть «Ранние журавли» Чингиз Айтматов посвятил своему сыну Аскару. Писатель хотел рассказать своим юным современникам об их ровесниках, которые во время войны наравне с взрослыми приближали победу. Как они почитали за высшее счастье обнять родных отцов и лишь немногие дождались такого счастья. Айтматов вспоминал: «Мы оказались тем поколением подростков, которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от нас далеко не детской зрелости и мужества». «Дети войны» перенесли тогда столько горя и страданий, сколько не выпадало на долю многих поколений. Им пришлось рано проститься с детством. Но в их жизни и опыте остался большой общечеловеческий смысл.

Подростки смогут понять, что такое война, читая не только учебники истории, но и художественную литературу о войне. На эту тему написано много прекрасных книг. Повесть «Ранние журавли» одна из таких. Стоит рекомендовать ее для чтения именно в подростковом возрасте.

Повесть «Пегий пес, бегущий краем моря»

Произведение было написано в 1977 г. В ее основу автор положил мифологические эпические мотивы.

Действие повести происходит на Дальнем Востоке. На берегу Охотского моря у бухты Пегого пса обитает маленькая народность – нивхи. Это охотники и рыболовы, жизнь которых тесно связана с природой, с ее силами. Они определяют течение жизни людей. Герои повести поставлены перед лицом природных стихий, что открывает возможность автору показать их человеческую сущность непосредственно и зримо. Судьба человека вовлекается в поток жизненных стихий, а человек становится один на один с миром,

где извечно действуют законы, не подвластные человеческой воле.

Повесть начинается с грозного и величественного зачина:

«В непроглядной, насыщенной летучей влагой и холодом при-морской ночи, на всем протяжении Охотского побережья, по все-му фронту суши и моря шла извечная, неукротимая борьба двух стихий – суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу.

Гудело и маялось море во тьме, набегая и расшибаясь на утесах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменно твердая земля.

И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор как день зачался днем, а ночь зачалась ночью и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земли и вода в нескончаемом времени.

Все дни и все ночи...»

В общую канву сюжета органично вплетены мифологические мотивы, что превращает простой рассказ о человеческих судьбах в притчу.

Море и суша – две стихии, которые находятся в вечном проти-воборстве. Но так было не всегда. Когда-то не было на Земле ни-чего, кроме воды. Жизнь зародилась в давние времена от утки по имени Лувр, которая свила гнездо из своих перьев. Так появилась суша. А прародительницей человеческого рода была Великая Ры-ба-женщина, во времена которой и происходит действие повести.

Приближалось утро. Одиннадцатилетнему мальчику Киriskу предстояло впервые выйти в открытое море на охоту. Это важное событие, которое определит – быть ему охотником или нет. Вместе с ним в лодку садятся отец мальчика Эмрайин, старейшина клана Орган и двоюродный брат отца Мылгун.

«Мальчик был взволнован. От возбуждения ноздри его упруго раз-дувались, и на лице проступили скрытые веснушки. Мальчику было отчего волноваться. Этот выход в море предназначался ему, его приобщению к охотничьему делу. И потому Киrisk крутил головой по сторонам, как кулик, глядел повсюду с неубывающим интересом и нетерпением. Впервые в жизни отправлялся Киrisk в открытое море с настоящими охотниками, на настоящую, большую добычу, в большом родовом каяке. Мальчику очень хотелось привстать с места, поторопить гребцов, очень хотелось самому взяться за вес-ла, подналечь изо всех сил, чтобы быстрее доплыть до островов,

где предстояла большая охота на морского зверя. Но такие ребяческие желания могли показаться серьезным людям смешными. Опасаясь этого, он всеми силами пытался не выдать себя. Но это не совсем удавалось. Трудно было ему скрыть свое счастье – горячий румянец отчетливо проступал на смуглых крепких щеках. А главное, глаза, сияющие, чистые, одухотворенные глаза мальчишечьи не могли утаить радости и гордости, переполнявших его ликующую душу. Впереди море, впереди большая охота!!!»

Все взрослые понимают, что это плавание устроено специально для Кириска.

«Чтобы быть кормильцем, мужчина должен с ранних лет постигать свое ремесло. Пришел такой черед и Кириску, пора было натаскивать мальчишку, приучать его к морю.

Об этом все знали, все поселение клана Рыбы-женщины у сопки Пегого пса знало, что сегодняшний выход в плавание предпринимался ради него, Кириска, будущего добытчика и кормильца. Так заведено: каждый, кто рождается мужчиной, обязан, побрататься с морем с малолетства, чтобы море знало его и чтобы он уважал море. Потому-то сам старейшина клана – старик Орган, и двое лучших охотников – отец мальчика Эмрайин и двоюродный брат отца Мылгун – шли в плавание, повинаясь заветному долгу старших перед младшими, в этот раз перед ним, мальчиком Кириском, которому предстояло отныне и навсегда познаться с морем, отныне и навсегда – и в дни удач и неудач».

Но радостное настроение мальчика вдруг пронзает предчувствие опасности: небольшая лодка-каяк, выдолбленная из цельного ствола тополя, вышла в открытое море, оно расступилось, заполняя собой все видимое пространство.

«Открытое море ошеломило Кириска. Такого зрелища он не ожидал. Только вода – зыбучая, тяжелая вода, только волны – скоротечно возникающие и немедленно умирающие, только глубина – темная, тревожная глубина, и только небо в кочующих белых облаках, легковесных и недоступных. И то был весь суший мир – и ничего больше, ничего иного, кроме этого, кроме самого моря, - ни зимы, ни лета, ни бугра, ни оврага.

Вода застилала свет из края в край».

Мальчик почувствовал свою бесконечную беззащитность пе-

ред лицом великой стихии. Так начинается у Кириска вступление в большой, тревожный мир.

И не случайно старейшина Орган в начале плавания часто обращается к родовым легендам, в частности к сказанию о Великой Рыбе-женщине, основательнице рода Органа, который чувствовал себя «сродни и Морю и Небу». Айтматов создал великолепный образ старого нивха. Старик Орган – мудрый, немногословный – в своих долгих раздумьях во время плавания размышляет о жизни и смерти, о смысле человеческого существования – обо всем, что волновало философов всех народов. Почти всю жизнь старика Органа сопровождал сон-спутник о той Рыбе-женщине. Он не боялся смерти, он только хотел, чтобы этот сон был с ним и после смерти.

*Где ты плаваешь, Великая Рыба-женщина?
Твое жаркое чрево – зачинает жизнь,
Твое жаркое чрево – нас породило у моря...
Где ты плаваешь, Великая рыба-женщина?*

Наконец охотники подплывают к первому острову, на котором расположено лежбище нерп – их добыча. Киrisk в первый раз стреляет из ружья и промахивается. Он огорчен, но взрослые его не укоряют. «С первого выстрела никто не становится охотником. Будь здоров, стрелять умеешь, добыча от тебя никуда не уйдет», – утешает мальчика Мылгун.

Подстрелив общими усилиями одну нерпу, охотники быстро потрошат тушу. Им предстоит совершить обряд – съесть сырую печень животного. Тогда Киrisk станет настоящим охотником. Но Орган предупреждает мальчика, что нужно экономить пресную воду, ведь им еще предстоит отправиться на другой остров и возвращаться домой. С собой у них только один бочонок с водой.

«Пока они промышляли нерпу, море заметно изменилось. Волна стала плотней. Тверже. Масса воды еще продолжала катиться в прежнем направлении, ветер же успел уже перемениться. Лодку встряхивало и качало теперь гораздо жестче. Но охотников больше беспокоило небо. Что оно предвещало? Что-то непонятное и неожиданное в это время года! Невесть откуда летящая муть в воздухе покрывала небо белесой текущей завесой, как марью, гони-

мой верховым ветром от далеких лесных пожаров, бушующих где-то в черных дебрях.

Первым увидел беду Киrisk!

По морю, застилая почти полгоризонта, двумя широкими, смывающимися языками надвигалась на них серая стена густого тумана. Туман подступил зримо, могуче клубясь по черной поверхности воды, неуклонно заполнял собой все окружающее пространство. Он приближался, как живое существо, как чудовище, имеющее непременно целью захватить, поглотить их вместе с лодкой, вместе со всем видимым и невидимым миром. Туман шел именно с той стороны, в какой ранее, приняв издали за остров, Киrisk видел нечто неопределенное, какую-то застывшую средь моря серую массу. Теперь вся эта масса, набухая и разрастаясь на глазах, бесшумно и безостановочно катилась, гонимая ветром, к ним».

Почти одновременно с туманом начался шторм. «Волна шла накатом, со все возрастающим грохотом взбунтовавшейся воды, вспучиваясь, вырастая и разрушаясь одновременно».

«Лодку кидало то вверх, то вниз, то разом вскидывая, то низвергая разом в расступающуюся пропасть между волнами. От брызг и всплесков одежда намокала, тяжелела. Но самая большая беда заключалась в том, что люди в сплошном тумане ничего не различали вокруг, ровным счетом ничего не видели и не могли определить, что происходит в море, что следует предпринять. Оставалось единственное - бороться наугад, вслепую, только бы удержать каким-либо способом лодку на плаву, не дать ей перевернуться. Теперь уже не могло быть и речи, чтобы направлять лодку к какой-либо цели. Волны несли ее по своей необузданной прихоти неизвестно куда, и неизвестно, как долго могло так продолжаться».

Вот испытание, трудное даже для взрослого, опытного человека, - бушующий шторм в плотном тяжелом тумане, в клубящейся живой тьме. «Все исчезло. С этой минуты не стало ни неба, ни моря, ни лодки. Они не различали даже лиц друг друга».

Все-таки охотникам удалось удержать лодку на волнах, но все вокруг было окутано туманом. «То был Великий туман, безмолвно, безраздельно и незыблимо покоившийся в ту пору над всем пространством океана. Великий туман переживал свое великое оцепе-

нение».

Но судьба готовила охотникам еще одно тяжелое испытание. После нескольких дней шторма наступил мертвый штиль. Никто не знает куда плыть, лодку уносит в неизвестном направлении. Охотники оказываются бессильны в схватке со стихией.

И это испытание было не последним. Самое трудное началось потом, когда питьевая вода в бочонке стала убывать и людей начала мучить страшная жажда. Это испытание посильнее любого шторма, ибо оно неодолимо.

Как ведут себя люди в последние дни своей жизни, когда они обречены? Здесь смысловой узел повести Айтматова, кульминация ее сюжета.

Старик Орган первым прорывает эту смертную цепь.

«Орган понимал безысходность положения, и тяжелее всех было ему самому. Старик высыхал на глазах. Изборожденное складками и морщинами, темно-коричневое лицо его становилось с каждым часом чернее и жестче от боли, идущей изнутри. В слезящихся глазах появился напряженный, лихорадочный оттенок – нелегко было старику заставить себя выносить такие страдания». Он решает уйти в морскую пучину, чтобы оставить малые запасы воды мальчику и двум молодым нивхам: достаточно только молча перевалиться через борт лодки.

Потом уходит в ледяную воду Мылгун. Перед уходом с ним случилась истерика, он почти тронулся разумом и громко проклинает, обращаясь к небу, великого Шамана ветров.

« - Э-эй, ты, Шаман ветров! – угрожая веслом, кричал он что есть мочи в туманную мглу. – Если ты хозяин ветров, а не падаль собачья, то где твои ветры? Или ты подох в берлоге своей, или забыл ты, что мы здесь, в тумане гиблом, как в яме сидим? Или не знаешь ты, что с нами малый, он первый раз в море! А ты так с нами поступил?! Разве это честно? Посылай свои ветры! Слышишь? Посылай бурю, собака, самую страшную бурю – Тланги-ла посылай, опрокидывай нас в море, пусть волны погребут нас!

Вот так поносил Мылгун Шамана ветров, неведомо где существующего и неведомо где укрывающего подвластные ему ветра. Долго еще, до хрипоты, до изнеможения кричал и выходил из себя Мылгун, издеваясь, оскорбляя и одновременно выпрашивая ветра у

хозяина ветров».

Не выдержав жажды, Мылгун напился соленой морской воды и ускорил свой конец.

Остаются в лодке отец Эмрайин и сын Киrisk – в рыданиях и муках. Трудно читать эти строки, написанные Айтматовым сурово и бесстрашно.

«Постепенно видимость в недрах тумана снижалась, а Эмрайин все плыл в тяжелом раздумье, и времени у него оставалось действительно мало. Как ни крепился он, каким бы ни был могучим от природы, жажда и голод быстро одолевали, быстро съедали его силы. Надо было успеть подготовить сына к тому, что он обдумывал в тот час, надо было сделать это, пока сам был в состоянии держаться и проявлять волю.

Он понимал, что и ему предстоит вслед за Органом и Мылгуном покинуть лодку, что это единственная возможность если не сохранить, то хотя бы продлить жизнь сына настолько, насколько оставалось на дне бочонка той немногой воды.

Необходимо было еще убедить Киriskа, строго-настрого наказать ему, чтобы он оставался в лодке до самого последнего дыхания, пока сознание будет при нем. И если суждено ему умереть, когда кончится вода, то умереть он должен в лодке, а не выбрасываться в море, как вынуждены были поступить старик Орган, Мылгун и как поступит он, его отец. Никакого иного выхода не было. Требовалось повиноваться, примириться с жестокостью судьбы. Однако при мысли, что одиннадцатилетний мальчик останется в лодке один на один со всем светом, в беспроглядном тумане, в безбрежном море, медленно умирая от жажды и голода, Эмрайина охватывала оторопь. С этим невозможно было примириться, то было выше всяких сил. И тогда он ловил себя на мысли, что не сможет оставить сына одного. Лучшие умереть вместе с ним».

И однажды на рассвете Киrisk, проснувшись, увидел, что отца в лодке нет. И все понял. И морская мертвая тишина взрывается мальчишеским воплем, в котором и протест, и горе, и безнадежность.

«Он рванулся, шаря по лодке, и закричал жутким воплем, горестно огласившим безмолвную пустыню туманного моря. И долго не смолкал его одинокий, полный отчаяния и боли вопль. Он плакал

страшно, до изнеможения, а потом упал на дно лодки, хрипя, и бился головой о борт. То была его плата отцам, его любовь, его горе и причитание по ним.

Мальчик лежал на дне лодки, не поднимая головы, не открывая глаз. Ему некуда было смотреть и некуда было деваться. Кругом все так же расстился белесый туман, и лишь море в этот раз нерешительно пошевеливалось, покачивая и кружа лодку на месте.

Киrisk плакал, сокрушаясь и упрекая себя в том, что уснул, что если бы он не уснул, то никогда и ни за что не пустил бы отца, вцепился бы руками и зубами и не отпустил бы его, пусть бы они погибли вместе, пусть бы скорее умерли от жажды и голода, но только бы не оставаться одному в полном и страшном одиночестве».

Вот так кончается детство Киriskа, всего за несколько дней его жизни, когда он посмотрел прямо в глаза смерти. В одиннадцать лет детство его закончилось.

Киrisk лежит в лодке полумертвый, ослабший, у него нету сил даже на то, чтобы допить последние капли воды из бочонка. И вот в самый последний миг перед его глазами появляется Пегий пес, а это значит, что он добрался до дома. Жизненная сила в нем поборола стихию.

«Лодка плыла по волнам. И море все так же рябилось, насколько хватало глаз, бесчисленными бликами живой, колышущейся воды. Киrisk глянул перед собой, протер глаза и обомлел. Прямо на него из-за темно-зеленой горбины моря выплывал Пегий пес. Пегий пес бежал навстречу! Великий Пегий пес!

Берег был уже виден на краю моря серо-голубой гористой полосой. Но Пегий пес, белоухий и белопахий, вздымался выше всех сопков, и уже различима была кипящая кайма вечного прибоя у подножия Пегого пса. Уже слышны были в воздухе голоса прибрежных чаек. Чайки первыми приметили его. А над сопкой витал голубой дымок угасающего на круче сигнального костра...

Пегий пес, бегущий краем моря,
Я к тебе возвращаюсь один –
Без аткыча Органа,
Без отца Эмрайина,
Без аки-Мылгуна.

*Где они, ты спроси у меня,
Но сначала дай мне напиться воды...*

Кириск понял, что это и есть начальные слова его именной песни, с которой ему жить до конца его дней...»

В этой повести извечное противостояние человека и природной слепой стихии предстает еще более драматичным, чем в повести «Ранние журавли». Только здесь, у холодного моря, люди пытаются одолеть не горы и не степь, а небо и бескрайний океан на простой весельной лодке-каяке.

В этих двух повестях раскрывается богатство чувств, мыслей, верований двух народов, живущих на расстоянии в несколько тысяч километров друг от друга. Для одного народа – киргизов – родной стихией стали горы и небо, для другого – нивхов, живущих на дальнем Севере, на берегу холодного Охотского моря, – родная стихия – Земля и Океан, Земля и Вода. Эти природные стихии определяют характер людей на берегу бескрайнего океана. Там вырабатывается особый характер человека, который от рождения до смерти противостоит враждебным силам природы – штормам, ветрам, лютым морозам.

Можно только подивиться, как точно киргизский писатель сумел почувствовать духовный и нравственный мир другого народа, тем более такого малочисленного и далекого, как нивхи. Может быть, Айтматов заинтересовал этот народ, потому что он дружил с нивхским писателем Владимиром Санги, и эту повесть писатель посвятил именно ему. Дружба двух писателей открыла перед ними возможность узнать иноязычный мир, его обычаи и мировосприятие, а это самый надежный путь к сближению разных народов. Не в этом ли смысл литературы?

Поиск себя и человека: нравственно-философские романы Айтматова

Роман «И дольше века длится день»

К жанру романа Айтматов переходит в 80-е гг. И первый из них - «И дольше века длится день», впоследствии переименованный в «Буранный полустанок». Это произведение впитало в себя много-летний труд, переживания и размышления писателя.

Человечество вновь и вновь ищет ответы на вечные вопросы о смысле жизни, об обществе и человеке, их ответственности за сегодняшний день. Именно за сегодняшний, так как завтрашнего может и не быть. Существование и разрушающее действие ядерного оружия, освоение космоса в военных целях, плохая экология – все напоминает и предупреждает о возможной катастрофе всей цивилизации. Никто никого не победит, никто не уцелеет в одиночку. Спасаться и спасать надо всем вместе. Общество – это люди, а люди бывают разными. Как гармонично объединить интересы человека и общества? Что заставит людей стыдиться безнравственных поступков? Эти вопросы беспощадно ставят жизнь, и все люди сдают этот экзамен, как делают это и герои романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Автор поведал нам историю об Едиге Жангельдине, казахе, путе-

вом обходчике на железнодорожном разъезде Боранлы-Буранном, затерянном в Сарозекских степях. В романе соединены два плана в повествовании: история жизни Едигея Буранного – так все его называли – и тех, с кем довелось ему делить судьбу. Земные события пересекаются с космическими, фантастическими мотивами, связанными с выходом человека в иную галактику, со встречей с обитателями планеты из системы «Держателя» - Лесная Грудь.

Роман имеет непривычное начало, начинаясь с описания лисицы, следующей по железнодорожным путям.

«Требовалось большое терпение в поисках добычи по иссохшим буеракам и облысевшим логом. Выслеживая запутанные до головокращения, суетливые пробежки мелкой землеройной твари, то лихорадочно разгребая сусликовую нору, то выжидая, чтобы притаившийся под обмыском старой промоины крохотный тушканчик выпрыгнул наконец на открытое место, где его можно было бы придавить в два счета, мышкующая голодная лисица медленно и неуклонно приближалась издали к железной дороге, к той темнеющей равнопротяженной насыпной гряде в степи, которая ее и манила и отпугивала одновременно, по которой то в одну, то в другую сторону, тяжело содрогая землю окрест, проносились громыхающие поезда, оставляя по себе с дымом и гарью сильные раздражающие запахи, гонимые по земле ветром.

С наступлением ночи лисица вышла из овражка. Выждала, вслушиваясь, и потрусила к железнодорожной насыпи, бесшумно перегибая то на одну, то на другую сторону путей. Здесь она выискивала объедки, выброшенные пассажирами из окон вагонов.

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток...

А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей.

А поезда шли с востока на запад и с запада на восток».

Здесь и работал путевым обходчиком Едигей на разъезде Боранлы-Буранный. Тридцать лет назад, в конце сорок четвертого, демобилизовали Едигея после контузии. Физически работать он не мог. И тогда они с женой решили податься на железную дорогу, надеясь найти место охранника или сторожа. Случайно познако-

мились с Казангапом, разговорились, и он пригласил молодых на Буранный. Место тяжелое – безлюдье да безводье, кругом пески. Но все лучше, чем мытариться без пристанища.

Когда Едигей увидел разъезд, сердце его упало: на пустынной плоскости стояло несколько домиков, а дальше со всех сторон – степь... Не знал он тогда, что на месте этом проведет всю оставшуюся жизнь. Из них тридцать лет – рядом с Казангапом. Казангап много помогал им на первых порах, дал верблюдицу на подои, подарил верблюженку от нее, которого называли Каранаром. Дети их росли вместе, стали как родные.

И вот Едигею уже шестьдесят лет, и жена его состарилась, ссутилась.

«Стало быть, старость уже на плечах сидит, - подумалось ему. – Вот и дожили – старик и старуха! Глядишь, года через два и на пенсию могут попросить». Но он знал, что не так скоро уйдет на пенсию и не так просто найти человека в этих краях на его место – обходчика путей и ремонтного рабочего, стрелочником он бывал от случая к случаю, когда кто-то заболел или уходил в отпуск. Разве что кто позарится на дополнительную оплату за отдаленность и безводность? Но вряд ли. Поди таких сыщи среди нынешней молодежи.

Чтобы жить на сарозекских разъездах, надо дух иметь, а иначе сгинешь. Степь огромна, а человек невелик. Степь безучастна, ей все равно, худо ли, хорошо ли тебе, принимай ее такую, какая она есть».

Любимая жена Укубала принесла Едигею печальную новость «о смерти несчастного старика Казангапа, одинокого старца, умершего в пустой глинобитной мазанке», проработавшего путевым обходчиком здесь, на разъезде, многие годы.

Возвращаясь домой после смены, размышлял он о том, что Казангап был для них дороже, чем любой другой родственник. Думая о предстоящих похоронах, Едигей Буранный вдруг почувствовал, что земля под его ногами содрогнулась. И он увидел, как далеко в степи, там, где располагался Сарозекский космодром, огненным смерчем поднялась ракета. То был экстренный вылет в связи с чрезвычайным происшествием на совместной советско-американской космической станции «Паритет». Станция не реагировала на

сигналы объединенного центра управления Обценупра уже свыше двенадцати часов. И тогда срочно стартовали корабли с Сары-Озека и из Невады, посланные на выяснение ситуации.

«Буранный Едигей не подозревал, что то был экстренный, аварийный вылет космического корабля с космонавтом – без всяких торжеств, журналистов и рапортов, в связи с чрезвычайным происшествием на космической станции «Паритет», находящейся уже более полутора лет по совместной американо-советской программе на орбите, условно называемой «Трамплин». Не подозревал он и о том, что это событие коснется и его, его жизни, и не просто по причине нерасторжимой связи человека и человечества в их всеобщем значении, а самым конкретным и прямым образом».

Предельно сконцентрировано время в повествовании – один день. В один узел стянуты все события. Едигей, охваченный горестными заботами, размышляет о быстротечности жизни, о том, как нелегко в мире и живому и мертвому: «Умереть непросто, а похоронить человека честь по чести в этом мире тоже не просто.» Он хлопочет, чтобы достойно похоронить своего друга Казангапа,

А параллельно идет рассказ о совершенно ином мире, центр которого находится южнее Алеутских островов в Тихом океане. Это авианосец «Конвенция» - научно-исследовательский штаб Обценупра по совместной программе «Демиург». Оказывается, советские и американские космонавты, связавшись с внеземной цивилизацией, покинули космическую станцию «Паритет», «чтобы по возвращении доложить человечеству о результатах посещения планеты Лесная Грудь». Объясняя причины своего «беспрецедентного предприятия», они пишут: «Нас ведет туда жажда знаний и вековая мечта человека открыть себе подобные существа в иных мирах, с тем, чтобы разум объединился с разумом».

Введение космической, даже научно-фантастической сюжетной линии усложнило композицию романа. В нем существует как бы несколько пространств: Буранный полустанок, Сары-Озеки и дальний космос. Так же сопрягаются в романе и разные пласты времени: прошлое, настоящее и будущее. А в центре их пересечения – человек, причастный и к лисице, и к ракете, призванный все понимать, соединять, гармонизировать. Это и есть главный герой романа ЕдигейЖангельдин, Буранный Едигей, проживший безвы-

ездно тридцать лет на полустанке, фронтовик, настоящий трудяга. Как писал Айтматов, «он один из тех, на которых, как говорится, земля держится... Он сын своего времени». И рядом с ним в центре романа верблюдо-сырттан (сверхсущество), ведущий свой род от белоголовой верблюдицы Акмал, как воплощение самой Природы, ее равенства с человеком. Между ними, человеком и верблюдом лежит пласт мифов. Это предание о кладбище Ана-Бейит, которое гласило, что жуаньжуаны, захватившие Сары-Озеки в прошлые века, уничтожали память пленных страшной пыткой: надеванием на голову шири – куска сыромятной верблюжьей кожи. Высыхая под солнцем, шири стискивал голову раба подобно стальному обручу, и несчастный лишался рассудка, становился манкуртом. Манкурт не знал, кто он, откуда, не помнил отца и матери, – словом, не осознавал себя человеком. Он не помышлял о бегстве, выполнял наиболее грязную, тяжелую работу и, как собака, признавал лишь хозяина.

Автор пишет, что намного легче уничтожить человека, чем удалить его память и разум, «вырвать корни того, что остается с человеком до его последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и не доступным для других». Жуаньжуаны придумали самый варварский способ – отнимать живую память человека, что, по мнению Айтматова, самое «тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний».

Само название кладбища символично – «АнаБейит» – Материнский упокой. Это связано с тем, что одна женщина по имени Найман-Ана нашла своего сына, превращенного в манкурта. Он пас хозяйский скот.

Мать *«все поняла и зарыдала, топча землю ногами, горько и страшно, кривя судорожно прыгающие губы, пытаясь остановить и не в силах справиться с собой. Чтобы устоять на ногах, цепко схватилась за плечо безучастного сына и все плакала и плакала, оглушенная горем, которое давно нависло и теперь обрушилось, подминая и погребая ее. И, плача, всматривалась сквозь слезы, сквозь налипшие пряди седых мокрых волос, сквозь трясущиеся пальцы, которыми размазывала дорожную грязь по лицу, в знакомые черты сына и все пыталась поймать его взгляд, все еще ожидая, надеясь, что он узнает ее, ведь это же так просто – узнать собственную*

мать!

Но ее появление не произвело на него никакого действия, точно бы она пребывала здесь постоянно и каждый день навещала его в степи. Он даже не спросил, кто она и почему она плачет. В какой-то момент пастух снял с плеча ее руку и пошел, таща за собой неразлучного верхового верблюда с поклажей, на другой край стада, чтобы взглянуть, не слишком ли далеко убежали затеявшие игру молодые животные.

Найман-Ана осталась на месте, присела на корточки, всхлипывая, зажимая лицо руками, и так сидела, не поднимая головы. Потом собралась с силами, пошла к сыну, стараясь сохранить спокойствие. Сын-манкурт, как ни в чем не бывало, бессмысленно и равнодушно посмотрел на нее из-под плотно нахлобученной шапки, и что-то вроде слабой улыбки скользнуло по его изможденному, начерно обветренному, огрубевшему лицу. Но глаза, выражая дремучее отсутствие интереса к чему бы то ни было на свете, остались по-прежнему отрешенными.

Сын не узнал свою мать, не помнил своего имени, имени своего отца. «Вспомни, как тебя зовут, - умоляла мать. – Твое имя Жоломан». Сын не вспомнил ее, а хозяева сказали ему, что у него нет матери. Найман-Ана в отчаянии воскликнула: «Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О Господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого?» Но сын не вспомнил ее. Ему вручили лук и стрелы, которыми он убивает свою мать. Когда она стала падать, «прежде упал ее белый платок, превратился в птицу и полетел с криком: «Вспомни, чей ты? Твой отец Доненбай!» То место, где была похоронена Найман-Ана, стало называться кладбищем Ана-Бейит – Материнским упокоем.

С этим мифом соседствуют и другие предания. Например, о любви старого певца Раймалы-ага, «степного Гете», к юной акынше Бегимай, о золотой рыбе алтын мекре, исполняющей желания. Эти предания, тесно связанные с переживаниями и воспоминаниями Едигея, делают роман похожим на сказку, от которой просто невозможно оторваться, хочется с головой погрузиться в этот прекрасный мир неповторимой прозы.

Сам Чингиз Айтматов, разъясняя художественную функцию легендарных и фантастических мотивов в романе, пишет: «Как в прежних своих произведениях, и в этот раз я опираюсь на легенды и мифы, на предания как на опыт, предназначенный нам в наследство предыдущими поколениями. И вместе с тем впервые в своей писательской практике прибегаю к использованию фантастического сюжета. И то и другое для меня не самоцель, а лишь метод мышления, один из способов познания и интерпретации действительности».

Но вернемся к скорбным событиям похорон Казангапа. Единственной просьбой покойного было, чтобы похоронили его на том самом родовом кладбище Ана-Бейит. Идут горестные приготовления. Рано утром все было готово. Наглухо запеленутое в плотную кошму тело Казангапа уложили в прицепную тракторную тележку. Предстояло тридцать километров в один конец, потом захоронение и столько же обратно. Траурная процессия по степным дорогам направляется к кладбищу. Впереди на Каранаре ехал Едигей, указывая путь, за ним катился трактор с прицепом, а замыкал процессию экскаватор. Разные мысли навещали Едигея по пути. Вспоминал те дни, когда они с Казангапом были в силе. Делали на разъезде всю работу, в которой возникала необходимость. Теперь молодые смеются: старые дураки, жизнь свою гробили, ради чего? Значит, было ради чего. Вспоминал и свою нелегкую жизнь, и трагическую судьбу своих соседей – семьи Абуталиба Куттыбаева.

И вдруг траурная процессия наткнулась на неожиданное препятствие – изгородь из колючей проволоки.

«Едигей первым остановился – вот тебе раз! Он даже привстал на стременах и с высоты Каранара посмотрел направо, посмотрел налево – насколько глаз хватало змеилась вверх и вниз по степи непроходимая шипованная проволока, нацепленная в несколько рядов на железобетонные четырехгранные столбики, врытые через каждые пять метров. Прочно, основательно стояла та изгородь. Неизвестно, откуда она начиналась и где кончалась. А может быть, нигде не кончалась. Проезда дальше не было».

Оказалось, что место, где находилось родовое кладбище, отошло к зоне космодрома. Уговоры не привели ни к чему. Огорченный Едигей решает предать друга земле неподалеку от этих мест, на

высоком холме, откуда родная степь видна на большие расстояния. «Здесь Найман-Ана великий плач имела».

И тут появляется еще один символ Природы: коршун, паря высоко, наблюдает за процедурой захоронения и предстартовой суетой на космодроме.

«Внимательно просматривая поверхность степи, примечая все, что шевелилось внизу, вплоть до ползующих жуков и юрких ящериц, коршун молча летел над сарозеками, степенно взмахивал крыльями, постепенно набирая высоту, чтобы шире и дальше видеть степь под собой, и одновременно приближался, перемещаясь плавными витками, к своему излюбленному месту охоты – к территории закрытой зоны.

Так летел он в тот час, как подобает владыке, с достоинством, не суетясь. Ничем, ни одним лишним взмахом не привлекая к себе внимания наземных существ. В этот день с утра он заметил большое оживление людей и машин на обширных бетонированных полях космодрома. Машины катили взад-вперед и особенно часто кружили возле конструкций с ракетами. Эти ракеты, нацеленные в небо, давно уже стояли особняком на своих площадках, коршун давно уже привык к ним, но сегодня что-то происходило вокруг. Слишком много машин, слишком много людей, слишком много движения.

А коршун-белохвост все парил над ними, наблюдая за облачком пыли и за этой горсткой людей, совершавших нечто странное на обрыве Малакумдычап. Он отметил какое-то особое оживление среди них, когда на месте ямы стала вырастать свежая гора земли. Только старый верблюд, украшенный попоной с кистями, все так же невозмутимо жевал жвачку, непрерывно двигая челюстями».

И дольше века длился этот день, день похорон Казангапа, день напряженных размышлений Едигея о сложных вопросах времени, истории. И в его воспоминаниях и размышлениях открывается нам идеальное поведение и житие человека. Мы читаем о том, как жить – жить в гармонии с природой и с самим собой. Герои романа, живущие на Буранном полустанке, не рвут от жизни куски и не ищут, где лучше. И ценности в их мире истинные: любовь семейная, честный труд, незлобивая жизнь. И Едигей в этом мире – главное лицо, опора и поддержка для всех. Без него немыслим

Боранлы-Буранный, открытый всем ветрам на свете.

За это время прошло обследование космической станции «Паритет». Обнаружилось, что космонавты, обслуживающие станцию, исчезли. В вахтенном журнале они оставили запись, где космонавты написали, что у них возник контакт с представителями внеземной цивилизации – жителями планеты Лесная Грудь. Лесногрудцы пригласили землян посетить их планету, и те согласились, не ставя в известность руководителей полета, так как боялись, что им запретят посещение.

И вот теперь они сообщали, что находятся на Лесной Грудь, рассказывали об увиденном. Особенно потрясло землян, что в истории их планеты никогда не было войн. А главное, передавали просьбу лесногрудцев посетить Землю. Для этого инопланетяне, технически гораздо более развитые, предлагали создать межзвездную станцию. Мир еще не знал об этом. Ждали решения комиссии. А комиссия, обсуждавшая предложение Лесной Грудь решила: не допускать возвращения своих космонавтов на Землю, отказаться от установления контактов с инопланетянами и изолировать околоземное пространство от возможного их вторжения обручем из ракет.

Айтматов, заканчивая роман, рисует страшную картину апокалипсиса. Едигей велел участникам похорон ехать на Буранный разъезд, а сам решил вернуться к караульной будке и добиться, чтобы его выслушало большое начальство. Он хотел, чтобы эти люди поняли: нельзя уничтожать кладбище, на котором лежат твои предки. Когда до шлагбаума оставалось совсем немного, в небо взметнулась яркая вспышка грозного пламени. *«То пошла на подъем первая ракета-робот по транскосмической заградительной операции "Обруч"». В сарозеках было ровно восемь часов вечера. Вслед за первой рванулась ввысь вторая, за ней третья и еще, и еще... Ракеты уходили в дальний космос закладывать вокруг земного шара постоянно действующий кордон, чтобы ничего не изменилось в земных делах, чтобы все оставалось как есть...*

Небо обваливалось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма... Человек, верблюд, собака – эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страиась расстаться друг с другом, они бежали по степи,

безжалостно высветляемые гигантскими огненными сполохами...

Но как долго бы они не бежали, то был бег на месте, ибо каждый новый взрыв накрывал их с головой пожаром всеохватного света и сокрушающего грохота вокруг...»

Замкнулась связь времен: новые варвары возносятся над миром силы зла. Эти люди без памяти, люди-манкурты, лишают человечество будущего.

Но в это мгновение появилась надежда на разумный исход. Эта надежда – в неиссякаемой памяти и всепобеждающей силе материнства. *«Вдруг почудилось Едигею, откуда ни возьмись появилась сбоку белая птица. Некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, пронзенная стрелой собственного сына-манкурта... Белая птица быстро полетела рядом с человеком. Крича ему в том грохоте и светопреставлении:*

- Чей ты? Как твое имя? Вспомни свое имя! Твой отец – Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай...

И долго еще разносился ее голос в сомкнувшейся тьме...

И плыла, затерянная в звездной бесконечности, Земля.

«Омываемая вышними ветрами, плыла Земля по вечным кругам своим. Плыла Земля... То была маленькая песчинка в неизмеримой бесконечности Вселенной. Таких песчинок в мире было великое множество. Но только на ней, на планете Земля, жили-были люди. Жили, как могли и как умели. И плыла Земля сама по себе...»

Художественные и философские поиски писателя направлены в романе на выработку нового, планетарного мышления, связанного с утверждением мира без войны, нового, планетарного гуманизма. Будет ли так, роман не дает однозначного ответа. Гуманизм может победить только в том случае, если люди не потеряют историческую память, не уподобятся манкуртам.

Каждый ответственен за время, в котором живет. Вот одна из главных позиций романа. А главный урок автора этого произведения – всепоглощающая вера в человека, любовь к жизни, какая она есть и о какой мечтает человек, творя ее собственными руками и сердцем. И хочется верить, что добрая воля политиков и народа позволит избежать светопреставления, выпавшего на долю Едигея, о котором и повествует роман Айтматова «И дольше века длится день».

«Плаха» – одно из самых поразительных произведений Чингиза Айтматова. Это одновременно и философская проза, и лирическое

поэтическое повествование, утверждающее право человека на духовную свободу, на жизнь и его великую ответственность за свой народ.

Роман посвящен философским проблемам добра и зла, которые, связаны с главным вопросом современности: сохранится ли жизнь на Земле? Выживет ли человек, и каким он будет в условиях технократического XXI века?

Бедственное положение экологической среды давно является одной из актуальнейших тем современных писателей. Айтматов в своем произведении тоже обращается к этой проблеме. Этот роман – призыв одуматься, осознать свою ответственность за все, что беспечно разрушено человеком в природе. Проблемы экологии писатель рассматривает неразрывно с проблемами разрушения человеческой личности.

Произведение насыщено образами, которые на первый взгляд не связаны друг с другом: волки, бывший семинарист Авдий, чабан Бостон, «гонцы» за анашой. Но на самом деле их судьбы тесно переплетаются, образуя общий узел назревших в современном обществе проблем, разрешить которые автор призывает нас, живущих сегодня.

Роман разделен на три части, первые две из которых описывают жизнь Авдия Каллистратова, рано потерявшего мать и воспитанного своим отцом – дьяконом. Он поступил в духовную семинарию, но был изгнан из нее как «еретик-новомысленник». После ухода из семинарии Авдий устраивается работать внештатным корреспондентом областной молодежной газеты. И вот по заданию редакции он едет в Моюнкусскую пустыню за материалом о развитой там сети наркоторговли.

Третья часть описывает жизнь и страшную трагедию чабана, передовика производства Бостона Уркунчиева.

Все события романа в большей или меньшей степени связаны с природой. Здесь люди разрушают природу, и проблемы экологии оборачиваются опасной деформацией человеческой души. Не случайно роман начинается с описания жизни волчьей семьи Акбары и Ташчайнара. Сюжетная линия их трагической судьбы проходит через все повествование. Волки гармонично обитают в своих угодьях, пока не появляется человек, нарушающий покой природы и несущий в себе не созидающую, а разрушающую силу.

В паре волков Акбары и Ташчайнара *«Акбара была головой, была умом, ей принадлежало право зачинать охоту, а он был верной силой, надежной, неутомимой, неукоснительно исполняющей ее волю»*.

И стояло лето, первое совместное лето синеглазой Акбары и Ташчайнара, уже проявивших себя неутомимыми загонщиками сайгаков в облавах и уже вошедших в число самых сильных пар среди моюнкумских волков. Все говорило за то, что этой паре предстояло великое охотничье будущее и жизнь их будет полна тяготами повседневного пропитания и красотой своего звериного предназначения. Пока же ничего не мешало им безраздельно править в Моюнкумских степях, поскольку вторжение человека в эти пределы носило еще характер случайный и они еще ни разу не сталкивались с человеком лицом к лицу. Это произойдет чуть позже.

Обитателям уникальной Моюнкумской саванны не дано было знать, что в самых обычных для человечества вещах таится источник добра и зла на земле. И что тут все зависит от самих людей – на что направят они эти самые обыкновенные для человечества вещи: на добро или худо, на созидание или разор.

В этих краях и слагалась судьба новой волчьей пары – Акбары и Ташчайнара, а к тому времени – что самое важное в жизни животных – они уже имели своих тунгучей-первенцев, троих щенят из выводка, произведенных на свет Акбарой той памятной весной в Моюнкумах, в том памятном логове, выбранном ими в ямине под размытым комлем старого саксаула. Волчата уже держали стоймя уши, обретали каждый свой нор, хотя при играх между собой их уши снова по-щенячьи топырились, да и на ногах чувствовали

они себя довольно крепко. И все чаще увязывались они следом за родителями в малые и большие вылазки».

Трагедия началась в Моюнкумах. Людям понадобилось выполнить план по мясосдаче. *«И кто-то разбитной из облуправления вдруг предложил задействовать мясные ресурсы Моюнкумов»*. Это был единственный выход не ударить лицом в грязь перед народом и перед взыскательными органами свыше. Было решено собрать «дармовой урожай», расстреляв степных сайгаков. Это было не единоборство человека с природой, не охота, а преступное браконьерство, возведенное в ранг государственной политики. Люди нагрянули на вертолетах, машинах, со скорострельными винтовками, и опрокинулась жизнь в саванне верх дном.

Становится не по себе, когда читаешь про варварскую облаву на сайгаков. Затруднение с планом мясосдачи вылилось в страшную трагедию: *«... по степи, по белой снежной пороше катилась сплошная черная река дикого ужаса»*. Это уничтожение сайгаков читатель видит глазами волчицы Акбары: *«Страх достиг таких апокалиптических размеров, что волчице Акбаре, оглохшей от выстрелов, казалось, что весь мир оглох и онемел, что везде воцарился хаос и само солнце тоже мечется и ищет спасения и что даже вертолеты вдруг онемели и уже без грохота и свиста беззвучно кружатся над уходящей в бездну степью, подобно гигантским безмолвным коршунам»*. И вот уже вечные враги – волки и сайгаки – бегут рядом, обезумевшие и беспомощные перед лицом смерти.

В этой бойне погибают волчата Акбары. Но на этом несчастья волчьей семьи не закончились. Три раза волки уходили в глухие места, пытались обзавестись потомством, и три раза злая и жестокая судьба, воплощенная в образе людей, лишала их детенышей. Волки, в нашем представлении, - опасность, но, оказывается, есть еще большее зло, которое способно сокрушить и уничтожить все, - это люди. Происходят удивительные вещи: волки и люди словно меняются своими природными ролями, и те качества, которые присущи человеку, мы обнаруживаем у волков. Волки, которые по своей природе обречены убивать, благородны, сильны и красивы. Любовь Акбары к волчатам – это не бессознательный животный инстинкт, а осознанная материнская забота и ласка, свойственная всему женскому на земле. Волки в произведении, особенно Акбара,

олицетворяют собой природу, которая пытается спастись от уничтожающих ее людей.

Дальнейшие действия волчицы становятся предупреждением человеку о том, что рано или поздно все живое воспротивится и будет мстить, мстить жестоко и неумолимо. Мать-Акбара, как мать-природа, хочет сохранить свое будущее в потомстве. Но когда Базарбай Нойгутов, пьяница и тунядец, похищает из логова волчат, она ожесточается и начинает нападать на каждого, чтобы заглушить тоску и отчаяние, доводившие ее до безумия. Волчица карает не того, кто действительно причинил ей зло, а совершенно невиновного человека – чабана Бостона Уркунчиева, семья которого имела несчастье принять в своем доме Базарбая, проезжавшего с волчатами мимо его жилища. Этот омерзительный пьяница, способный на любую подлость, всю жизнь ненавидел Бостона, честного труженика, который, благодаря своим собственным силам, стал лучшим чабаном в аиле. И теперь Базарбай злорадствовал и ликовал при мысли о том, что «возомнившего о себе и возгордившегося» Уркунчиева доводит по ночам терзающим и изматывающим воем потерявшая волчат Акбара. Но самое страшное ожидало Бостона впереди.

Свою неистраченную материнскую нежность волчица хочет перенести на человеческого детеныша. *«И вот Акбара стояла перед малышом. И непонятно, как ей открылось, что это детеныш, такой же, как любой из ее волчат, только человеческий, и когда он потянулся к ее голове, чтобы погладить добрую собаку, изнемогающее от горя сердце Акбары затрепетало. Она подошла к нему, лизнула его щечку. Малыш обрадовался ее ласке, тихо засмеялся, обнял волчицу за шею. И тогда Акбара совсем разомлела, легла у его ног, стала играть с ним – ей хотелось, чтобы он пососал ее сосцы, но он вместо этого сел на нее верхом. Потом соскочил и позвал ее за собой. Не двигаясь с места, волчица грустно поглядела синими глазами на мальчугана, и он снова подошел к ней и гладил ее по голове, а Акбара вылизывала детеныша, и ему это очень нравилось. Волчица изливала на него накопившуюся в ней нежность, вдыхала в себя его детский запах. Как отрадно было бы, думалось ей, если бы этот человеческий детеныш жил в ее логове под свесом скалы. Осторожно, чтобы не поранить шейку, волчица ухватила малы-*

ша за ворот курточки и резким рывком перекинула на загривок – таким манером волки утаскивают из стада ягнят».

Увидев, что волчица, похитившая его любимого сына, убегает, Бостон стреляет в нее, но одним выстрелом убивает и Акбару и малыша. *«Вскинув винтовку на плечо, Бостон будто во сне побежал к упавшей Акбаре. Ему казалось, что он бежит так медленно и долго, словно плывет в каком-то пустом пространстве...»*

И вот наконец, похолодев, точно на дворе стояла стужа, он побежал к волчице. И согнулся в три погибели, закачался, корчась в немоном крике. Акбара была еще жива, а рядом с ней лежал бездыханный, с простреленной грудью малыш».

Затем Бостон совершенно осознанно убивает Базарбая, заслужившего кару, и сам ведет себя на «плаху», подавленный переполнявшим его горем и отчаянием, внутренне опустошенный. Но в глубине души он был спокоен, потому что уничтоженное им зло больше не сможет вредить живущим.

«То был исход его жизни... Весь мир до сих пор заключался в нем самом и ему, этому миру, пришел конец. Он был и небом, и землей, и горами, и волчицей Акбарой, великой матерью всего сущего, и последней его ипостасью – младенцем Кенджешем, подстреленным им самим, и Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе, и все, что он видел и что пережил на своем веку, – все это было его вселенной, жило в нем и для него, и теперь, хотя все это и будет пребывать, как пребывало вечно, но без него – то будет иной мир, а его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была великая катастрофа, это и был конец его света».

Экологические проблемы, затронутые в романе, автор стремится постичь прежде всего как проблему состояния души человеческой. А волки у Айтматова не просто очеловечены, они наделены высокой нравственной силой, благородством, чего лишены люди, противопоставленные им в романе. Именно в Акбаре и Ташчайнаре олицетворено то, что издавна присуще человеку: чувство любви к детям, тоска по ним.

Вторая острая тема, раскрытая писателем в романе, – это проблема наркомании, одна из самых острых проблем современного общества. Айтматов убедительно описывает ведущий в тупик

и разрушающий жизни путь «гонцов», которые, отправляются в азиатские степи за анашой, одержимые жаждой обогащения и возможностью пожить в ином мире, в иллюзиях. В противоположность им писатель вводит образ Авдия Каллистратова, который пытается понять и спасти этих людей. Одухотворенная и глубоко мыслящая натура Авдия противится всяким проявлениям зла и насилия. Неправедный, гибельный путь, по которому идет человечество, вызывает в его душе боль и страдание. Он видит свое назначение в помощи людям и обращении к Богу.

«У Авдия Каллистратова было бледное высокое чело, как многие люди его поколения, он носил волосы до плеч и опустил плотную каштановую бородку, что, впрочем, если и не очень украшало, зато придавало его лицу благостное выражение. Серые навывкате глаза его лихорадочно поблескивали, в них выражался непокой духа и мысли, который был присущ его натуре, что приносило ему великую отраду от собственных постижений, а также многие тяжкие страдания от окружающих людей, к которым он шел с добром...

Ходил Авдий большей частью в клетчатых рубашках, в свитере и джинсах, в холод натягивал пальтецо и старую меховую шапку, еще отцовскую. Таким он и появился в Моюнкусской саванне».

Есть в Авдии почти детская беспомощность, незащитность. С образом Каллистратова Айтматов связал идею гуманизма, идею веры и доброе начало в человеке.

«Меня давно терзала мысль – найти нехоженые тропы к умам и сердцам своих сверстников. Я видел свое призвание в поучении добру. Может, несколько самонадеянно было с моей стороны полагать, что в этом мое предназначение, но, во всяком случае, мне этого искренне хотелось, и, пожалуй, не в последней степени это объясняется моим происхождением. В некоторых статьях я уже говорил, хотя и в самых общих чертах, о пагубности алкоголизма среди молодежи, примерно то же писал и о наркомании, ссылаясь на печальный опыт Запада. Но все это было, по сути, с чужих слов, из вторых рук. А для яркого и в то же время проникновенного материала, где были бы мои собственные размышления и переживания по поводу всем известных и в то же время суеверно избегаемых многими, как чумы, случаев наркомании среди молодежи, особенно среди подростков, приводящих к печальным последствиям – от самораз-

рушения личности до садистских убийств, - так вот, для такого материала мне не хватало знания проблемы изнутри и реалий. Это и подтолкнуло меня решительно взяться за задуманное дело».

«Мне важно было проникнуть в ту среду, выяснить, почему именно эти ребята оказались туда вовлеченными, что двигало ими, кроме соблазна наживы и спекуляции; мне необходимо было изучить изнутри личные, социальные, семейные и не в последнюю очередь психологические моменты этого явления».

Уже в пути Авдий знакомится со своими попутчиками – гонцами Петрухой и Ленькой. Долго разговаривая с ними, он приходит к выводу, что не эти люди виноваты в том, что нарушают правила, а система: «И чем больше вникал он в эти печальные истории, тем больше убеждался, что все это напоминало некое подводное течение при обманчивом спокойствии поверхности житейского моря и что, помимо частных и личных причин, порождающих склонность к пороку, существуют общественные причины, допускающие возможность возникновения этого рода болезней молодежи. Причины эти на первый взгляд было трудно уловить – они напоминали сообщающиеся кровеносные сосуды, которые разносят болезнь по всему организму. Сколько ни вдавайся в эти причины на личном уровне, толку от этого мало, если не вовсе никакого».

Прибыв на поле для сбора конопли, Авдий встречается с волчицей Акбарой, образ которой является связующей нитью всего романа. Несмотря на возможность убить человека, защищая своих детенышей, она не делает этого.

«Три волчонка, виляя хвостиками, хотели приблизиться к нему, поиграть с ним – робели, но не убегали. Голенастые, как подростки, с полуторчащими, нестойкими ушами, остромордые еще и с живыми и до смешного доверчивыми глазами. Это почему-то так тронуло Авдия, что, позабыв обо всем, он стал ласково подзывать их к себе, забавлять и подманивать, а сам весь сиял от расположенности человеческой, и именно в этот момент он увидел – блеск белой молнии, белый оскал набегающей на него волчицы... Это было так неожиданно, так стремительно, но и так медленно и страшно, что он и не почувствовал, как сами собой подогнулись колени и как он присел на корточки, схватившись за голову, - он и не ведал, что именно это спасло ему жизнь; а волчица была уже в трех шагах и в

яростном прыжке вдруг перемахнула через его голову, обдав звериным духом, и в ту минуту их глаза встретились, Авдий увидел огненный синий взор волчицы, ее бесподобно синие и жестокие глаза, и мороз прошел по коже, а волчица тем временем еще раз стремительно, как ветер, перескочила через него, и кинулась к волчатам, и с налета погнала их прочь, пустив в ход зубы, и заодно круто завернула с пути высунувшегося из оврага страшного зверя – громадного волка со вздыбленным загривком, и все они вмиг исчезли, словно бурей их унесло...»

Набив собранной коноплей мешки, наркоперевозчики сели в поезд. Авдий пытается образумить своих подельников вместе с их главарем Гришаном, призывает покаяться и выбросить мешки с наркотиками. Но его избивают и выкидывают из поезда. Его спасли только чудо и добрые люди.

«И сожалел Авдий, что допустил промах, грубую ошибку, что Гришан восторжествовал, что победило его черное дело, что все так плохо кончилось. И все равно Авдий считал, что испытания, выпавшие на его долю в эти дни, были ему необходимы. Хоть ему и не удалось перевоспитать гонцов, но материал для выступления в газете он добыл интересный, и добыл собственным трудом».

Пролежав в больнице, Каллистратов уезжает домой в Приокск, но затем снова возвращается в Моюнкумскую пустыню. Здесь он встречает своих знакомых добытчиков анаши, которых поймали и арестовали. Авдий требует, чтобы его тоже посадили к ним в камеру.

«Я требую, чтобы меня арестовали и судили, как и этих несчастных, что заблудились в мире, где столько противоречий и неисчислимых зол! Я должен нести такую же ответственность, как и они. Ведь я занимался тем же, что и они. Откройте дверь и посадите меня вместе с ними! На суде они подтвердят, что я виновен так же, как и они! Мы покаемся в своих грехах, и это послужит нам очищением...»

«Гонцы» сделали вид, что не узнали его: «не наш». Видимо, осталось еще что-то человеческое в их душах. И все-таки Авдий не мог простить себе, что не сумел сделать так, чтобы в этих людях «пубавилась бы, хоть на мизерную долю, доля худа и прибавилась бы доля добра».

«Я рассчитывал, что они убоятся Бога, но деньги оказались для них превыше всего. И вот теперь меня мучает мысль, как помочь хотя бы тем гонцам, с которыми меня столкнула судьба, с которыми я имел какой-то опыт общения. Я имею ввиду прежде всего раскаяние. Вот к чему мне хотелось указать им путь. Раскаяние – одно из великих достижений в истории человеческого духа – в наши дни дискредитировано. Оно, можно сказать, полностью ушло из нравственного мира современного человека. Но как же может человек быть человеком без раскаяния? Путь к истине – повседневный путь к совершенству».

Есть в романе и библейская тема, которая помогает представить Авдия, как человека избранного судьбой за его преданность вечным, истинным идеалам. Воплощением этого истинного идеала в «Плахе» предстает Иисус Христос, которого страстно проповедует Авдий, призывая людей мерить себя его, христовой мерой.

По пути в Моюнкуме, на вокзале Каллистратов встречает Обер-Кандалова, руководителя кровавой бойни сайгаков. Он предложил Авдию отправиться с его командой на охоту под красивым названием «сафара». Не стерпев беспощадного убийства животных для «плана», Авдий пытается помешать бойне.

«Облава на моюнкумских сайгаков на него так страшно подействовала, что он стал требовать, чтобы немедленно прекратили эту бойню, призывал озверевших охотников покаяться, обратиться к Богу. Авдий кричал, воздевал руки и призывал немедленно присоединиться к нему, чтобы очиститься от зла и покаяться.

В своем неистовстве он был нелеп и смешон, он вопил и метался, точно в предчувствии конца света, - ему казалось, что все летит в тартарары, низвергается в огненную пропасть.

Он хотел обратиться к Богу тех, кто прибыл сюда за длинным рублем... Хотел остановить колоссальную машину истребления, разогнавшуюся на просторах Моюнкумской саванны, - эту всепожирающую механизированную силу...

Хотел одолеть неодолимое...»

Авдия жестоко избили, скрутили веревками и бросили в кузов грузовика прямо на туши убитых сайгаков. Последние его часы мучительны: его распяли на моюнкумском саксауле.

«Привязанный к корявому саксаулу, прикрученный веревками по

рукам и ногам, он повис, как освежеванная шкура, вывешенная для просушки. Авдий еще слышал брань и голоса, но уже как бы издали. Страдания отнимали все его силы. Силы медленно покидали Авдия. И то, что пьяные мучители тщетно пытались развести огонь у него под ногами, его уже не беспокоило. Все было ему безразлично.

Фигура Авдия, распятого на саксауле, напоминает Христа, принесшего себя в жертву за Добро и Истину, даруемые людям, и искупившего смертью человеческие грехи. Авдий тоже принял смерть за добро, и в последних его мыслях не было упрека обезумевшей толпе убийц, а лишь сострадание к ней и горестное чувство невыполненного долга.

«Он уже не слышал ничего, в глазах у него помутилось, и ему почему-то привиделась серая волчица. Та самая, которая тем жарким летом перепрыгнула через него в конопляной степи...

- Спаси меня, волчица, - вдруг вывалось у Авдия.

Он точно бы интуитивно почувствовал, что волки, Акбара и Ташчайнар, сейчас приближаются к своему логову, занятому в ту ночь людьми. Зверей тянуло к привычному ночлегу, вот почему они возвратились, надеясь, вероятно, что люди уже покинули их лоцину и отправились куда-нибудь подальше...»

И последнее утешение в жизни – явившаяся на его зов синеглазая волчица.

«Перед ней был человек, существо, страшней которого нет, виновник их волчьих бед, непримиримый враг. Наливаясь чудовищной злобой, Акбара в ярости слегка подалась назад, чтобы взметнуться и броситься в рывке на человека, вонзить клыки в его горло. И в ту решающую секунду волчица вдруг узнала этого человека. Но где она его видела? Да это же тот самый чудак, с которым она уже встречалась летом, когда они всем выводком отправились дышать пахучими травами. И припомнились Акбаре в то мгновение и летний день, и то, как играли ее волчата с этим человеком, и то, как пощадила она его и перепрыгнула через него, когда он со страху присел на землю, закрывая руками голову. Припомнилось ошеломляющее выражение его испуганных глаз и то, как он, голокожий и беззащитный, кинулся прочь...

Теперь этот человек странно висел на низкорослом саксауле, точно птица, застрявшая в ветках, и непонятно было волчице,

жив он или мертв. Человек не шевелился, не издавал ни звука, голова его свесилась набок, и из угла рта сочилась тонкая струйка крови. Таишчайнар собрался было броситься на висевшего человека, но Акбара оттолкнула его. И, приблизившись, пристально взглядела в черты распятого и тихо заскулила: ведь все те, летошние ее волчата погибли. И вся жизнь в Моюнкумах пошла прахом. И не перед кем было ей лить слезы... Этот человек ничем не мог ей помочь, конец его был уже близок, но тепло жизни еще сохранялось в нем. Человек с трудом приоткрыл веки и тихо прошептал, обращаясь к поскуливавшей волчице...

- Ты пришла...- И голова его безвольно упала вниз.
То были его последние слова».

«Ты пришла» - таковы были его последние слова, когда он увидел перед собой волчицу с удивительно синими глазами, которая с болью заглянула в лицо распятого человека и жаловалась ему на свою горе. Человек и волк поняли друг друга, потому что их объединяло общее страдание, которое они испытывали от нравственной нищеты людей, погрязших в бездуховности.

Главная и самая страшная проблема, затрагиваемая в романе «Плаха» - это проблема утерянной нравственности. Бездуховные люди способны губить все ради своей выгоды, и им не будет от этого ни больно, ни стыдно.

Нам всем надо всерьез задуматься о том, какой станет природа нашей планеты в будущем. Разве можно пожелать нашим потомкам жизни на голой земле, без рощ и соловьиных трелей? Поэтому согласимся с автором романа – экология и нравственность соединены одной линией жизни.

Заключение

Уходя корнями в две великие цивилизации – Восточную и Западную, - проза Айтматова именно в наше время имеет особый культурологический смысл и дает нам возможность услышать диалог двух культур. Голос Айтматова – это взывающий к совести голос вечных истин, к которым всегда тянется, но которым не всегда следует человечество.

Он не просто рядовой писатель века. Он писатель из века, умеющий слагать мифы и легенды. Его книги – психологически тонкие и трогательные рассказы о жизнях простых людей, таких как мы с вами, о перипетиях любви, о поисках человеком своего пути в нашем драматическом времени.

Знаменитый ученый, литературовед Георгий Грачев называл Айтматова одним из властителей дум эпохи. А переводчик его книг Пьер Фрюжета писал о нем: «Я думаю, все люди в мире любят Айтматова за его охранение вертикальности мира, духовности и лиризма. Лучшее дарение Кыргызстана миру – Чингиз Айтматов».

Быть писателем – значит совместить воедино минувшее и настоящее, надежды и страсти, совесть и чувства многих людей в себе. Ведь слова писателя рождаются в недрах народа, в его прошлой и новой истории.

Чингиз Торекулович Айтматов является голосом и совестью кыргызского народа, вышедшим на общечеловеческое поприще духовности. Он войдет в генетическую память не только нации, но и всего рода человеческого. Написанное им навсегда останется не только в киргизской и русской, но и в мировой литературе.

Список литературы

1. Айтматов Чингиз Торекулович [Электронный ресурс]. – Режим доступа :http://ru.wikipedia.org/wiki/Айтматов,_Чингиз_Торекулович - 14.01.2014.
2. Айтматов Ч. Т. Белый пароход. Прощай, Гюльсары! / Ч. Т. Айтматов. – Москва :Астрель, 2010.- 349 с.
3. Айтматов Ч. Т. В соавторстве с землей и водой: Очерки, статьи, беседы, интервью/Ч. Айтматов. –Фрунзе: Кыргызстан, 1978. –406 с.
4. Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день :роман ; повести/ Ч. Т. Айтматов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – 800 с.
5. Айтматов Ч. Т. Материнское поле. Прощай, Гюльсары! : Повести/ Ч. Т. Айтматов. – Москва : Детская литература, 1984. – 224 с.: ил.
6. Айтматов Ч. Т. Пегий пес, бегущий краем моря. Ранние журавли: Повести/ Ч. Т. Айтматов. –Москва : Детская литература, 2004. – 237 с.: ил.
7. Айтматов Ч. Т. Плаха. /Ч. Т.Айтматов. – Москва : Детская литература, 2006. – 379 с.: ил.
8. Айтматов Ч. Т. Статьи, выступления, диалоги, интервью / Ч. Т. Айтматов. – Москва : Новости, 1988. – 365 с.
9. Айтматов Ч. Т. Тавро Кассандры. Пегий пес, бегущий краем моря / Ч. Т. Айтматов. – Москва :Астрель, 2010. – 380 с.
10. Айтматов Ч. Т. Повести. Рассказы. Публицистика / Ч. Т. Айтматов. – Москва : Правда, 1985. – 528 с.: ил.
11. Акматалиев А. Чингиз Айтматов :жизнь и творчество : краткий очерк / А. Акматалиев. –Бишкек :Мектеп, 1991. –239 с.
12. Акматалиев А. Чингиз Айтматов и взаимосвязи литератур / А. Акматалиев. –Бишкек : Адабият, 1991. –184 с.
13. Акматалиев А. Спую об Айтматове / А. Акматалиев. - Бишкек :Ипим, 1991.–125 с.
14. Апухтина В. Современная советская проза (60-70-е годы) / В. Апухтина. – Москва : Высшая школа, 1984.–271 с.
15. Арутюнов Я.Повести Ч. Айтматова / Я. Арутюнов // Литература в школе. -1973.-№2.-С. 80-82.

16. Бобулов К. Творческий путь Ч. Айтматова / К. Бобулов // Критика и литературный процесс : литературно-критические статьи.- Фрунзе : Кыргызстан, 1976.-С. 176-209.
17. Бушин В. Под белым парусом возвышенного духа // Литературная учеба. -1987.-№6.-С. 54-62.
18. Воронов В. Горизонты Ч. Айтматова / В. Воронов // Москва. – 1978.-№ 12.-С. 68-71.
19. Воронов В. Ч. Айтматов : очерк творчества / В. Воронов. - Москва : Советский писатель, 1976.-231 с.
20. Газизова А. Проблемы мира и человека в творчестве Айтматова // Вопросы литературы народов СССР. -1981. -Вып. 7. С. 95-98.
21. Гачев Г. Ч. Айтматов : в свете мировой культуры / Г. Гачев. Фрунзе : Адабият, 1989.-483 с.
22. Гачев Г. Ч. Айтматов и мировая литература / Г. Гачев. – Фрунзе : Кыргызстан, 1982. –287 с.
23. Геворкян А. О некоторых особенностях прозы Ч. Айтматова / А. Геворкян // Труды самаркандского университета : новая серия. - Самарканд, 1976. - Вып. 300. - С. 25-34.
24. Глинкин Г. Чингиз Айтматов / Г. Глинкин. – Ленинград : Просвещение, 1968.—109 с.
25. Давыдова Т. Современная киргизская повесть (Уроки Ч. Айтматова) / Т. Давыдова. –Фрунзе : Адабият, 1989. –105 с.
26. Дмитриева Н. Актуальные проблемы многонациональной современной прозы: На примере творчества Ч. Айтматова / Н. Дмитриева. –Калинин : КГУ, 1981. – 84 с.
27. И дольше века длится день. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/И_дольше_века_длится_день - 14.01.2014.
28. Исенов А. Психологизм современной прозы : на материале творчества Ч. Айтматова и А. Зегерс / А. Исенов. - Алма-Ата : Жазумы, 1985. –120 с.
29. Коркин В. Человеку о человеке : заметки о творчестве Ч. Айтматова / В. Коркин. Фрунзе : Кыргызстан, 1974.-97 с.
30. Косоруков А. «Плаха» новый миф или новая реальность / А. Косоруков // Наш современник. -1988. -№ 8. -С. 142-155.

31. Лебедева Л. Повести Ч. Айтматова / Л. Лебедева. Москва : Художественная литература, 1972. –78 с.
32. Левченко В. Г. Чингиз Айтматов : проблемы поэтики, жанра, стиля / В. Г. Левченко. – Москва :Советский писатель, 1983.-231 с.: фот.
33. Лейбин В. По эту сторону добра и зла :этический срез «Плахи» Ч. Айтматова / В. Лейбин // Филологические науки. -1991. -№ 6. - С. 67-89.
34. Лучшие книги Чингиза Айтматова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.livelib.ru/author/19894/top> - 14.01.2014.
35. Нефагина Г. Позиция автора и характер художественного времени в романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок» / Г. Нефагина // Авторская позиция в художественном произведении. -Минск, 1984. - С. 45-52.
36. Обнажение проблем нравственности в романах Чингиза Айтматова «Плаха» и «Вечная невеста» («Когда падают горы») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/obnazhenie-nravstvennykh-problem-v-romanakh-chingiza-aitmatova-plakha-i-ve> - 14.01.2014.
37. От «Джамили» до «Плахи» :сборник литературно-публицистических выступлений и писем Ч. Айтматова / Сост. А. Акматалиев. – Бишкек :Мекгеп, 1991.– 158 с.
38. Папанинова Н. Романы-метафоры Чингиза Айтматова /П. Папанинова // Литература в школе. -1988. -№5. -С. 7-15.
39. Плаха (роман). Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://ru.wikipedia.org/wiki/Плаха_\(роман\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Плаха_(роман))- 14.01.2014.
40. Размышления над прочитанной книгой. Ч. Т. Айтматов. «Плаха» : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rlspace.com/plakha-razmyshleniya-nad-prochitannoj-knigoj-ch-t-ajtmatov-plakha/> - 14. 01. 2014.
41. Рецензия на книгу Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://stavcur.ru/sochinenie_po_literature/14.htm - 14.01.2014.
42. Селиверстов М. Откровения любви :заметки о творчестве Ч Айтматова / М. Селиверстов. - Фрунзе : Кыргызстан, 1966. -146 с.

43. Сошникова И. Фольклорная поэтика в поветях Ч. Айтматова / К. Сошникова // Литература в контексте культуры. Комсомольск-на-Амуре, 1995.-С. 56-62.

44. Чингиз Айтматов (Статьи и рецензии о его творчестве) / Сост. К. Абулдабеков. –Фрунзе : Кыргызстан, 1975.-321 с.

45. Чингиз Айтматов — киргизский писатель [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://www.livelib.ru/author/19894> - 14.01.2014.

46. Чубинский В. И снова о «Плахе» / В. Чубинский // Нева. - 1987. - №8. - С. 156-162.

47. Чубинский В. Сарозекские метафоры / В. Чубинский // Нева. -1981. -№5. С. 173-177.

48. Шостак И. Гюльсары, Едигей и другие / И. Шостак // Литературное обозрение. -1985.-№7.-С. 90-94.

Приложение I

Литературное наследие

Новеллы

- «Ашим» (1953)
- «Белый дождь» (1954)
- «Соперники» (1956)
- «Трудная переправа» (1956)
- «Лицом к лицу» (1957)
- «Красное яблоко» (1964)
- «Плач перелетной птицы» (1984)

Повести

- «Джамиля» (1958)
- «Тополек мой в красной косынке» (1961)
- «Верблюжий глаз» (1961)
- «Первый учитель» (1962)
- «Материнское поле» (1963)
- «Прощай, Гульсары» (1966)
- «Белый пароход» (1970)
- «Ранние журавли» (1975)
- «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977)
- «Белое облако Чингисхана» (1992)

Пьеса

- «Восхождение на Фудзияму»
(1975, в соавторстве с К. Мухамеджановым)

Публицистика

- «Светоч эпохи» (1962)
- «Это ваша вина, земляки» (1962)
- «Побеждающая доброта» (1962)
- «О хлебе, о людях, о крае родном» (1964)
- «Женщина с Тянь-Шаня» (1964)
- «Лунная дорога из хлопка» (1964)
- «Многое зависит от нас» (1968)
- «Золотые ворота» (1969)
- «Восхождение» (1972)
- «Заметки о себе» (1972)
- «Без капли нет океана» (1973)
- «Снега на Манас-Ата» (1975)
- «Духу Хельсинки альтернативы нет» (1977)
- «Выступление на VII съезде писателей СССР» (1981)
- «Хрупкий жемчуг Иссык-Куля» (1981)
- «Час слова» (1982)
- «Завоеватель не может быть героем» (1983)
- «Эхо мира» (1984)

Романы

- «И дольше века длится день» («Буранный полустанок», 1980)
- «Плаха» (1986)
- «Тавро Кассандры» (1996)
- «Когда падают горы» («Вечная невеста», 2006)

Приложение II

Экранизации и театральные постановки

- «Перевал» (СССР, «Киргизфильм», 1961 г., режиссер Алексей Сахаров, по мотивам повести «Топлек мой в красной косынке»)
- «Зной» (СССР, «Киргизфильм», 1962 г., режиссер Лариса Шепитько, по мотивам повести «Верблюжий глаз»)
- «Первый учитель» (СССР, «Мосфильм», «Киргизфильм», 1965 г., режиссер Андрей Кончаловский, по одноименной повести)
- «Материнское поле» (СССР, «Киргизфильм», 1967 г., режиссер Геннадий Базаров, по одноименной повести)
- «Бег иноходца» (СССР, «Мосфильм», 1968 г., режиссер Сергей Урусевский, по мотивам повести «Прощай, Гульсары»)
- «Джамиля» (СССР, «Мосфильм», 1968 г., режиссер Ирина Поплавская, по одноименной повести)
- «Белый пароход» (СССР, «Киргизфильм», 1975 г., режиссер Болотбек Шамшиев, по одноименной повести)
- «Ранние журавли» (СССР, «Киргизфильм», «Мосфильм», 1979 г., режиссер Болотбек Шамшиев, по одноименной повести)
- «И дольше века длится день» (Москва, Театр-студия на Красной Пресне, 1980 г., режиссер Вячеслав Спесивцев, постановка по одноименному роману)
- «Желанный голубой берег мой» (Саха Якутия, Саха Академический драматический театр им. П. А. Ойунского, 1982 г., режиссер Андрей Борисов, постановка по мотивам повести «Пегий пес, бегущий краем моря»)
- «Айланпа. Мир на кругах своих» (СССР, «Киргизфильм», 1989 г., режиссеры В. Виленский, К. Орозалиев, документальный фильм)
- «Пегий пес, бегущий краем моря» (СССР, Киностудия им. А.

П. Довженко, 1990 г., режиссер Карен Геворкян, по одноименной повести)

- «Плач перелетной птицы» (СССР, «Киргизфильм», 1990 г., режиссер БакытКарагулов, по повести «Лицом к лицу»)
- «Манкурт» (СССР, «Туркменфильм», Турция, Ливия, 1990 г., режиссер ХоджакулиНарлиев, по мотивам романа «И дольше века длится день»)
- «Буранный полустанок» (Казахстан, «Казахфильм», 1995 г., режиссер БакытКарагулов, по мотивам повести «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»))
- «Тополек мой в красной косынке» (Турция, 2004 г., режиссер АтифЙилмаз, по одноименной повести, на турецком языке)
- «Тавро Кассандры» (Москва, Московский Экспериментальный театр под руководством Вячеслава Спесивцева, 2004 г., режиссер Вячеслав Спесивцев, постановка по одноименному роману)
- «Прощай, Гульсары» (Казахстан, «Казахфильм», 2008 г., режиссер АрденАмиркулов, по одноименной повести)
- «Белое облако Чингисхана» (Санкт-Петербург, учебный театр «На Моховой» Санкт-Петербургской академии театрального искусства, 2008 г., режиссер А. Зеланд, студенческий спектакль по одноименной повести)
- «Гражданин Земного шара» (Россия, кинокомпания «Тигр», 2009 г., режиссер О. Чекалина, документальный фильм)
- «Красное яблоко» (Кыргызстан, Бишкек, Государственный национальный театр драмы им. Чингиза Айтматова, 2009 г., режиссер НурланАсанбеков, постановка по мотивам рассказа «Красное яблоко»)
- «За белым облаком» (Россия, 2010 г., режиссер Сергей Тарасов, по мотивам повести «Белое облако Чингисхана»)
- «Материнское поле» (Москва, Театр им. А. С. Пушкина, 2012 г., режиссер Сергей Землянский, постановка по одноименной повести)
- «Плаха» (Москва, Московский государственный музыкальный театр под руководством Геннадия Чихачева, 2013 г., режиссер Геннадий Чихачев, спектакль-мюзикл по одноименному роману)

Приложение III

Награды, премии и звания

- Ленинская премия СССР (1963, за сборник «Повести степей и гор»)
- Государственная премия СССР (1968, за повесть «Прощай, Гульсары»)
 - Народный писатель Киргизской ССР (1968)
 - Государственная премия Киргизской ССР (1976)
 - Государственная премия СССР (1977, за литературную основу художественного фильма «Белый пароход»)
 - Герой Социалистического труда (СССР, 1978)
 - Государственная премия СССР (1983, за роман «И дольше века длится день»)
 - Два Ордена Ленина (СССР)
 - Орден Октябрьской Революции (СССР)
 - Два Ордена Трудового Красного Знамени (СССР)
 - Орден Дружбы народов (СССР)
 - Медаль Н. К. Крупской (Министерство культуры СССР)
- Европейская литературная премия (1993)
- Герой Киргизской Республики (Киргизия, 1997)
- Орден «Манас» I степени (Киргизия)

- Орден Дружбы (Россия, 1998)
- Орден Отан (Казахстан, 2000)
- Орден «Дустлик» (Узбекистан)
- Офицерский крест Ордена Заслуг (Венгрия, 2006)
- Высшая награда правительства Турции за вклад в

развитие культуры тюркоязычных стран (2007)

- Орден Улыбки (Польша)
- Почетная медаль «За выдающийся вклад в развитие

культуры и искусства на благо мира и процветания на земле» Токийского института восточной философии

- Международная премия им. Дж. Неру
- Премия журнала «Огонек»
- Международная премия Средиземноморского цен-

тра фонда «Призыв к совести»

- Баварская премия им. Ф. Рюккерта
- Премия им. А. Менья
- Почетная премия культуры им. В. Гюго (Франция)

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

Контактная информация

Государственное казённое учреждение культуры
Свердловской области «Свердловская областная межнациональ-
ная библиотека»

620146, г. Екатеринбург,
ул. Академика Бардина, 28

Тел. (343)243-17-05

Факс: (343)243-17-00

E-mail: somb@somb.ru
Сайт библиотеки: www.somb.ru

Расписание работы библиотеки:
пн., вт., чт., пт.- 10.00- 19.00
ср. - 12.00-19.00
вс. - 10.00-17.00
сб. - выходной
последний рабочий день месяца - санитарный день

